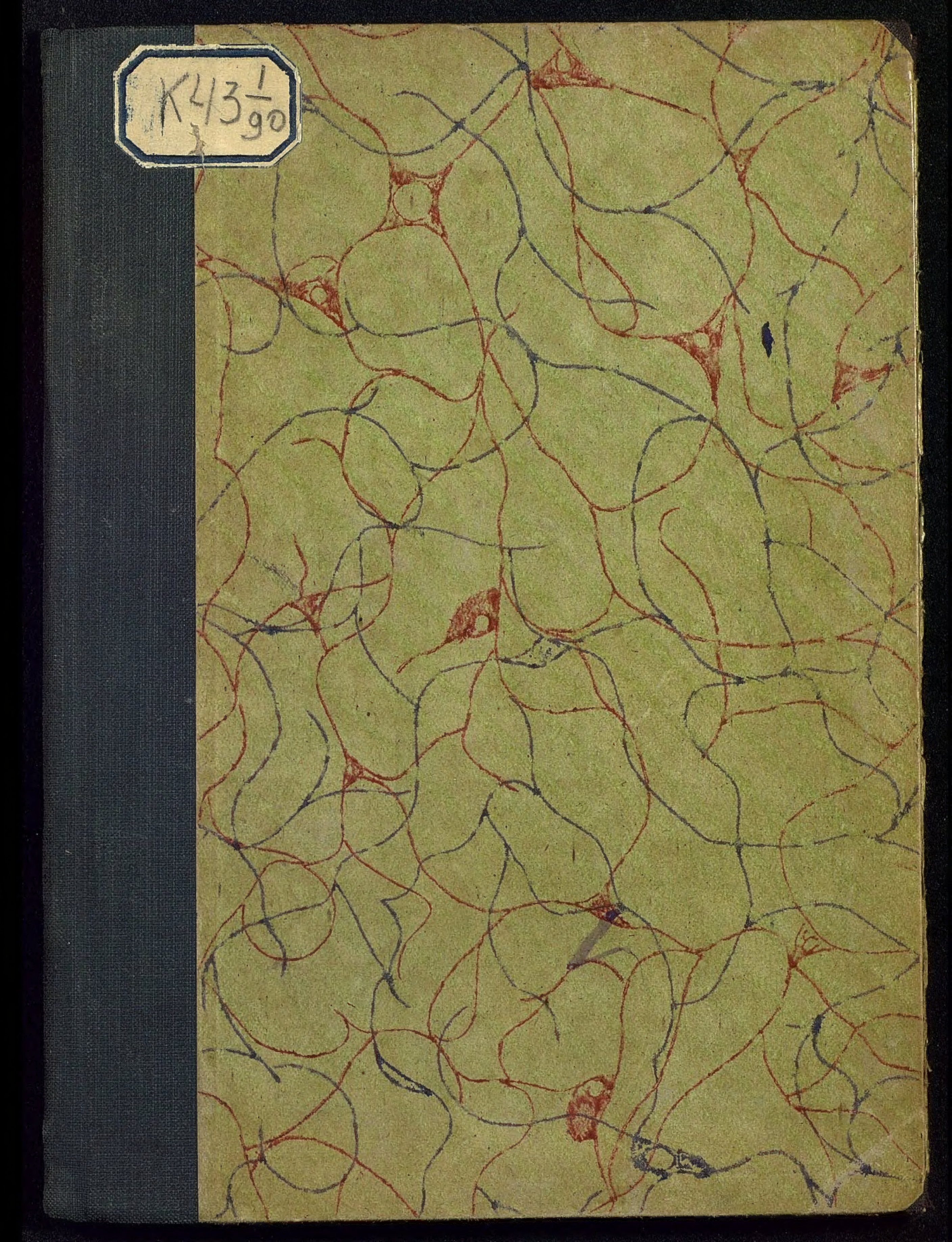
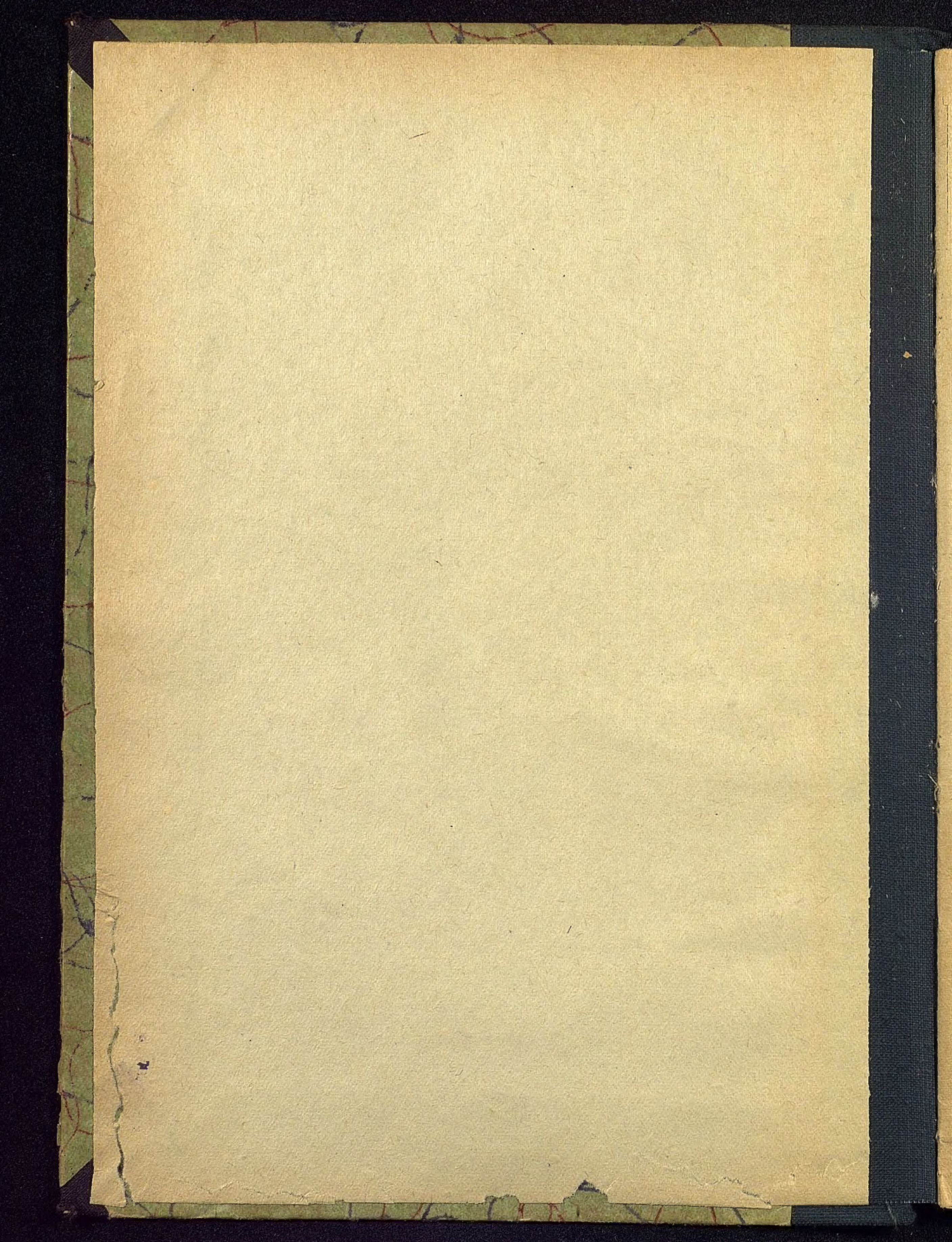
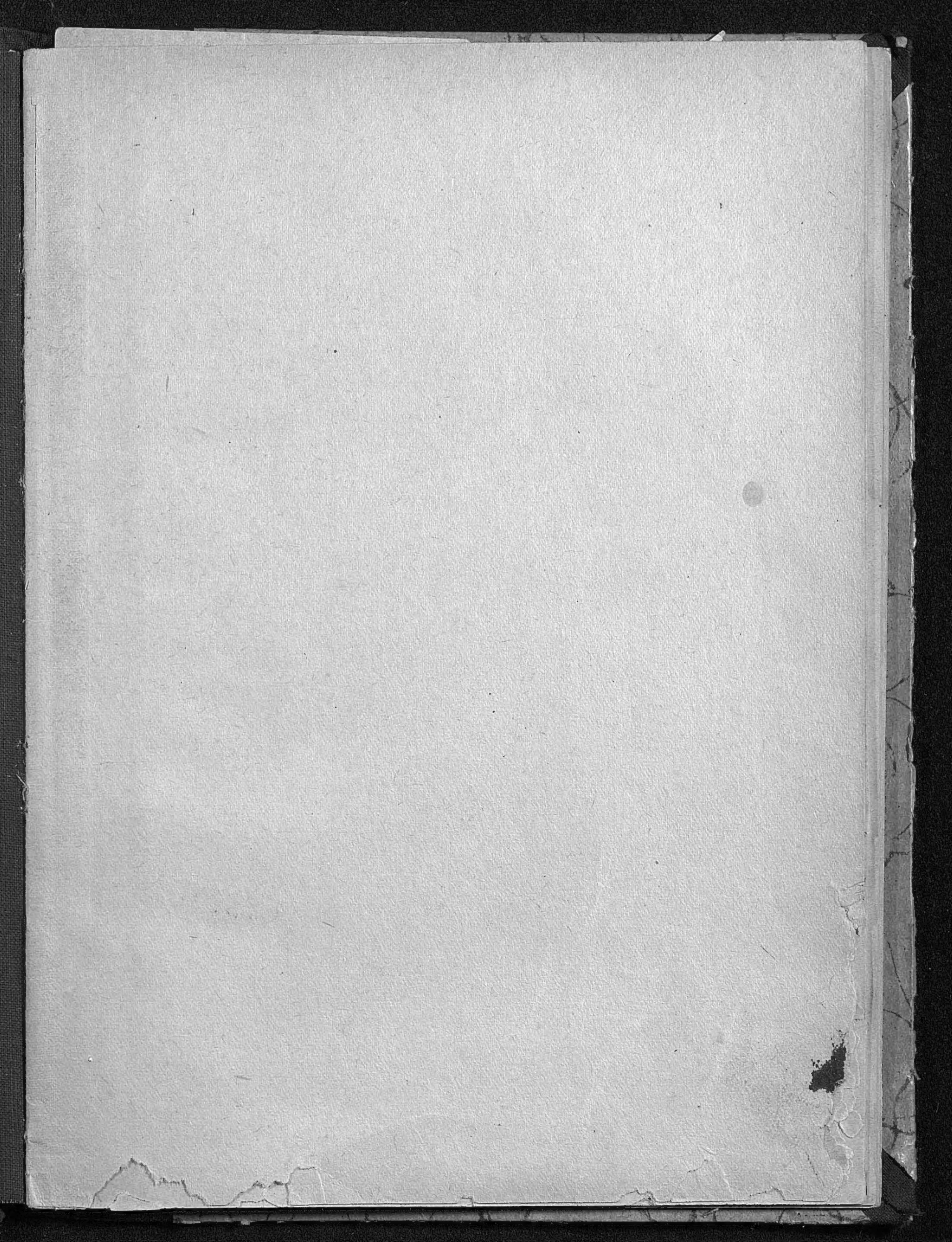








На правахъ рукописи.

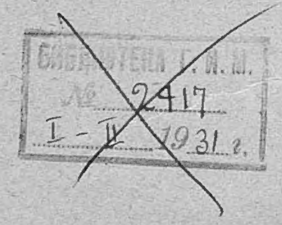
1913—1915.

ПИСЬМА И ЗАМѢТКИ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Д. М. Щепкину

от автора



Типографія „Сельскаго Вѣстника", Мойка, 32.

На правахъ рукописи.

Около года тому назадъ, въ пору когда нѣсколько улеглись тягостныя впечатлѣнія, вызванныя вражескимъ нашествіемъ, остановленнымъ геройскими и самоотверженными усиліями нашей несравненной арміи, и когда въ помощь послѣдней закипѣла народная работа въ тылу, я имѣлъ случай выступить въ ограниченномъ кругу нѣсколькихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей съ изложеніемъ нѣкоторыхъ тезисовъ, вытекавшихъ изъ посильной оцѣнки того, что Россіи пришлось пережить со времени вступленія ея въ войну и къ чему ей надлежитъ готовиться. Тезисы эти были облечены въ форму небольшой замѣтки, озаглавленной „По поводу событій на Балканахъ“ и отпечатанной на правахъ рукописи; текстъ ея приводится въ концѣ настоящаго сборника. Основною мыслью этого небольшого труда послужило желаніе убѣдить своихъ соотечественниковъ въ необходимости встрѣтить окончаніе войны во всеоружіи подготовленности и тѣмъ искупить великій грѣхъ и правительственныхъ и общественныхъ силъ, встрѣтившихъ ее въ состояніи ужасающей неподготовленности.

Большинство вышеупомянутыхъ дѣятелей, откликнувшихся на мое обращеніе къ нимъ, почти въ одинъ голосъ потребовало отъ меня конкретизаціи выдвинутыхъ мною общихъ положеній. Обстоятельства военнаго времени не позволяли сдѣлать это тогда; да и теперь еще гласное и въ необходимой полнотѣ обсужденіе затронутыхъ мною вопросовъ не удобно по многимъ и для всѣхъ понятнымъ причинамъ. Надѣюсь имѣть возможность сдѣлать это въ ближайшемъ будущемъ; но уже въ данное время въ извѣстныхъ предѣлахъ возможна и даже необходима заблаговременная оріентація общественныхъ круговъ въ политическихъ задачахъ Россіи и въ той международной обстановкѣ, при которой могутъ быть осуществлены наши домогательства и требованія, имѣющія быть предъявленными къ побѣжденному противнику по окончаніи войны.

Въ цѣляхъ внесенія въ это дѣло посильной лепты я собралъ въ настоящемъ трудѣ относящіяся къ эпохѣ послѣднихъ двухъ — трехъ лѣтъ выдержки изъ моихъ частныхъ писемъ, замѣтокъ и начатыхъ изслѣдованій по вопросамъ внѣшней политики, касающимся, главнымъ образомъ, Австро-Венгріи и Балканскихъ государствъ. Всѣ стадіи этихъ вопросовъ за время съ 1912 и до половины 1915 года я пережилъ за рубежомъ и въ Россіи, принимая въ разработкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ непосредственное участіе.

Нынѣ мнѣ представляется своевременнымъ—въ порядкѣ допускаемомъ условіями военнаго времени—подѣлиться выводами, къ которымъ я пришелъ въ переживаемую нами бурную пору; они подсказаны мнѣ личными переживаніями и стремленіемъ распознать реальные интересы и истинныя задачи Россіи въ дѣлѣ ликвидаціи результатовъ войны и созданія для русскаго народа такой международной обстановки, которая обезпечивала бы ему на долгій срокъ, если не навсегда, спокойный трудъ по возстановленію и укрѣпленію родной храмины, до основанія потрясенной міровою борьбой, въ которую Россія оказалась вовлеченною и кознями вражескими, и домашними недочетами. Лишь безпрепятственное культурное и экономическое возрожденіе можетъ служить надежнымъ залогомъ нашей грядущей международной мощи.

Нѣсколько словъ въ заключеніе.

Въ силу самихъ вещей на русское общество въ лицѣ его политическихъ и народно-хозяйственныхъ организацій, ляжетъ нравственный долгъ принять, въ предѣлахъ располагаемыхъ ими средствъ и въ дружномъ сотрудничествѣ съ правительственною властью, участіе въ великомъ дѣлѣ установленія того новаго международнаго уклада, который долженъ вѣнчать приложенныя русскимъ народомъ въ навязанной ему борьбѣ усилия и искупить всѣ принесенныя имъ неисчислимыя жертвы.

Но, готовясь къ этому труду, оно должно поставить себѣ задачею бороться съ нѣкоторыми распространенными у насъ и отчасти укоренившимися якобы непреложными требованіями нашей внѣшней политики, съ разными создавшимися

и могущими создаться легендами о взаимоотношеніяхъ русскаго и другихъ народовъ входящихъ съ нимъ въ болѣе близкое общеніе, съ различно понимаемыми національно-историческими завѣтами—точнѣе грезами—не осуществленіе которыхъ въ эпохи пертурбацій международной жизни неизбѣжно влекло за собою горькія для насъ и напрасныя разочарованія.

Мы должны напречь всѣ наши силы къ ихъ анализу, правильной оцѣнкѣ и къ замѣнѣ тѣхъ изъ нихъ которые окажутся ошибочными иными лозунгами, такими, которые отвѣчали бы истиннымъ народнымъ нуждамъ, народному пониманію и духу времени, и могли бы быть легко усвоены не только просвѣщенными общественными кругами, но и массою русскаго народа.

Въ этой работѣ намъ придется неизбѣжно и узнать, и повѣдать не мало правды, подчасъ горькой, которая доселѣ была отъ насъ скрыта, или отъ которой мы отворачивались кто безсознательно, а кто умышленно.

По окончаніи войны мы вступимъ въ новую международную жизнь, путь къ которой еще не достаточно выяснился; но во всякомъ случаѣ вступать на него со старымъ багажомъ, не выкинувъ изъ послѣдняго всего того, что уже оказалось непригоднымъ и опаснымъ, было бы, въ переживаемую бурную пору, прямымъ преступленіемъ по отношенію къ русской государственности, и едва ли найдется среди насъ хоть одинъ человѣкъ, который не сознавалъ бы чрезвычайности переживаемыхъ Россіею міровыхъ событій, поставившихъ на карту ея собственную судьбу, судьбу великой и самодовлѣющей державы.—

Помѣщаемый въ настоящемъ небольшомъ сборникѣ матеріалъ расположенъ въ простомъ хронологическомъ порядкѣ; всѣмъ достаточно извѣстны и памятны происшедшія за послѣдніе три года военныя и политическія событія, приблизительно совпадающія съ датами приведенныхъ писемъ и замѣтокъ.

А. А. Гирсъ.

Петроградъ.
Октябрь 1916.

13 Апрѣля 1913.

Въ переживаемый критическій для Россіи моментъ не могу не высказать Вамъ моего взгляда на то что творится у насъ въ связи съ событіями въ Черногоріи, непосредственно вліяющими на вопросъ о возможности русско-австрійской, то есть обще-европейской войны.

Отдавая себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ нашемъ внутреннемъ политическомъ положеніи въ его совокупности, я рѣшительно не допускаю и мысли, чтобы русская государственная власть капитулировала передъ уличными манифестаціями и дала себя вовлечь въ войну изъ-за Скутари...

Если наша государственная власть не проявитъ себя при обстоятельствахъ данной минуты во всей своей полнотѣ и неумолимости, весь трудъ ея по возстановленію въ странѣ прочнаго порядка послѣ столь недавно пережитыхъ невзгодъ пошелъ бы на смарку, а на карту была бы поставлена вся будущность Россіи, ея Царствующаго Дома и ея народа. Мнѣ, близкому и посвященному свидѣтелю этого труда за время послѣднихъ лѣтъ, проведенныхъ мною въ Петербургѣ и знакомому съ условіями и обстановкою дѣятельности высшаго правительства, а также съ нашими общественными теченіями и дѣятелями—это совершенно ясно. Вотъ почему я убѣжденъ, что малѣйшее проявленіе слабости правительственной власти, малѣйшее колебаніе и недомолвки въ изъявленіи ея воли оградить Россію отъ несомнѣнныхъ посягательствъ чужихъ народовъ на кровь ея сыновъ—лишь до крайности осложнили бы задачу Правительства, какъ я ее разумѣю...

25 Апрѣля 1913.

Взглянуть въ лицо дѣйствительности, какъ бы неприглядна она ни была, сумѣть выбрать въ ней и взлелѣять тѣ факторы, которые полезны государству, рѣшительно и властно отстраняя тѣ, которые вредны—такова задача отвѣтственныхъ политическихъ дѣятелей въ эпохи острыхъ международныхъ кризисовъ, переживаемыхъ государствомъ. Ясное пониманіе и усвоеніе ея не всегда дается тѣмъ, кого принято называть обществомъ и народомъ, въ большинствѣ случаевъ—по недостаточному знакомству съ дѣломъ и по инымъ, самымъ разнообразнымъ причинамъ—руководящимися въ своихъ сужденіяхъ и манифестаціяхъ чувствами и настроеніями не въ мѣру порывистыми и мѣняющимися въ зависимости отъ того или другого событія, часто переоцѣниваемаго. Отсюда—конфликтъ между обществомъ и правительствомъ, разно истолковывающими завѣты, задачи, программы внѣшней политики страны и ея руководителей и исполнителей. Такое разногласіе, болѣе или менѣе терпимое въ мирное время, совершенно недопустимо въ эпоху войнъ, ибо, обостряясь, оно можетъ толкнуть обѣ спорящія стороны на ложный путь въ дѣлѣ выбора средствъ защиты разно понимаемыхъ ими интересовъ своего государства и подвергнуть послѣднее тяжкимъ и—что еще хуже—напраснымъ бѣдствіямъ.

Всѣ эти теоретическія построенія невольно приходятъ мнѣ въ голову въ данную минуту, когда передо мною вырисовывается „новая" дѣйствительность, какъ результатъ Балканской войны: исчезновеніе Турціи съ Балканскаго полуострова и появленіе на ея мѣстѣ, въ качествѣ хозяевъ, усилившихся Балканскихъ государствъ. Невольно задаю себѣ вопросъ: чѣмъ они будутъ для насъ и чѣмъ мы должны быть для нихъ?

Посильно разбираясь въ ходѣ и въ выяснившихся результатахъ этой войны, не могу не отмѣтить, что она лишній разъ и особенно ярко подчеркнула намъ два явленія, близко

затрогивающія наши интересы и нашу собственную будущность.

Явленія эти нижеслѣдующія:

1. разноголосица Балканскихъ народовъ, благодаря которой едва ли предотвратимо крушеніе Балканскаго союза, до возможности возобновленія въ ближайшемъ будущемъ взаимоистребительной борьбы союзниковъ другъ съ другомъ изъ-за обладанія Македоніею, и

2. отсутствіе сознательнаго и добровольнаго тяготѣнія ихъ къ Россіи, при укоренившейся склонности и привычкѣ ихъ пользоваться нами какъ источникомъ матеріальной силы, а не какъ благожелательнымъ совѣтникомъ и руководителемъ, и при весьма слабомъ влеченіи къ нашимъ духовнымъ силамъ и къ обоснованному согласованію своей политической жизни съ нашею.

При томъ оборотѣ, который принимаютъ дѣла на Балканахъ, оба эти явленія, на которыя мы постоянно наталкивались и по локализаціи и по мирной ликвидаціи только что закончившейся войны, могутъ поставить для насъ на очередь легіонъ вопросовъ; намъ придется разбираться въ нихъ безотлагательно, если мы признаемъ, что, считаясь съ новою обстановкою, политика наша по отношенію къ Балканскимъ народамъ должна будетъ—ради обезпеченія благополучнаго выхода изъ лабиринта осложненій, въ который насъ влекутъ событія—искать иныхъ путей.

Вопросы эти, какими они возникаютъ для меня, могли бы быть формулированы нижеслѣдующимъ образомъ:

Въ нашихъ нынѣшнихъ отношеніяхъ къ Балканскимъ народамъ, на искренность чувствъ которыхъ къ намъ и на покорность нашимъ совѣтамъ мы не всегда можемъ разсчитывать, не кроется ли какого либо основного порока?

Защита нами этихъ народовъ—разумѣю таковую какъ средство одновременной охраны нами нашихъ собственныхъ интересовъ на Балканахъ—должна осуществляться на основѣ единства вѣры или племени?

При отсутствіи всякой увѣренности въ дальнѣйшемъ существованіи Балканскаго союза, что можетъ намъ принести

роль миротворцевъ или арбитровъ въ возгорающейся борьбѣ грековъ, болгаръ и сербовъ?

Не будемъ ли мы тотчасъ же сами вовлечены въ эту распрю, въ той или иной формѣ, и что мы получимъ въ результатѣ кромѣ упрековъ и неблагодарности, какое положенiе мы бы ни заняли?

Что мы потеряемъ и что намъ угрожаетъ, если греки, болгары и сербы будутъ сводить счеты другъ съ другомъ; какими средствами мы располагаемъ, чтобы этому помѣшать и какою цѣною мы этого достигнемъ?

Можемъ ли мы предотвратить обращенiе ихъ за помощью въ ихъ борьбѣ къ Австрiи, или къ иной державѣ намъ враждебной?

При переживаемой нами у себя дому еще незавершившейся эволюцiи, связанной съ недавними смутами,—какими вообще средствами укрѣпленiя нашего положенiя на Балканахъ и для защиты тамъ нашихъ интересовъ мы можемъ въ данное время располагать?

Нашему вѣковому сопернику на Балканахъ, Австро-Венгрiи, грозитъ или превращенiе въ славянскую державу или развалъ; который изъ этихъ двухъ исходовъ для насъ выгоднѣе?

Въ виду предстоящей намъ громадной и сложной задачи не теряя времени укрѣпить свое положенiе въ Анатолiи и въ бассейнѣ Чернаго моря, задачи, выполненiе которой потребуетъ ничѣмъ не стѣсняемой свободы дѣйствiй и всей полноты силъ—не искать ли намъ новаго русла для нашей политики на Балканахъ, такого, которое исключало бы возможность одновременнаго обостренiя конфликта съ державою, связанною—пока она существуетъ вообще, а въ частности какъ союзница Германiи—съ судьбою Балканскаго полуострова жизненными для себя интересами?

Наконецъ, если выяснилось бы, что никакою иною притягательною силою кромѣ расточенiя физической и матерiальной помощи у призванныхъ нами же къ жизни христiанскихъ народовъ Балканскаго полуострова мы не располагаемъ—не подвергнуть ли тщательной переоцѣнкѣ основы нашихъ отношенiй къ славянамъ, эллинамъ и влахамъ, и не

внести ли въ эти отношенія такія поправки, которыя вѣрнѣе обезпечивали бы подчиненіе этихъ народовъ завѣтамъ и задачамъ великой державы, лишь благодаря которой они могли довершить нынѣ свое освобожденіе?...

20 Ноября 1913.

......../ Отправка въ Турцію военной германской миссіи подъ начальствомъ Лимана Сандерса съ правами командующей инстанціи создаетъ для насъ совершенно новое положеніе дѣлъ на Босфорѣ. Всѣхъ послѣдствій его и не перечесть и не учесть, но одно для меня ясно: мы уже поставлены передъ выборомъ неотложныхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ охранѣ нашего господства въ бассейнѣ Чернаго моря и свободы прохожденія черезъ Проливы./

Разрушающаяся власть въ этихъ областяхъ Турціи механически укрѣпляется германскою военною помощью; если же къ этому прибавить, что благодаря содѣйствію Англіи, строющей для Турціи два броненосца и получившей концессію на сооруженіе доковъ, она раньше насъ обзаведется для своего флота крупными боевыми единицами новѣйшаго типа, то ясно—по крайней мѣрѣ для меня—что намъ уже теперь слѣдуетъ усиленно и спѣшно готовиться къ вооруженному столкновенію съ нею на сушѣ, столкновенію, которое всегда можетъ быть вызвано ходомъ однихъ лишь армянскихъ дѣлъ, не говоря уже о другихъ.

Что Турція, при создавшейся новой обстановкѣ, еще болѣе занесется въ своихъ сношеніяхъ съ нами — въ этомъ едва ли можно сомнѣваться; во всякое время можетъ наступить моментъ, въ который мы окажемся вынужденными взяться за оружіе. Если къ этому моменту Проливы будутъ еще находиться подъ режимомъ дѣйствующихъ относительно изъ договоровъ — ни на какую помощь нашихъ союзниковъ и друзей мы разсчитывать не можемъ, ибо насильственное—

ради оказанія такой помощи—нарушеніе ими этихъ договоровъ равнозначуще всеобщей европейской войнѣ, вызвать которую эти державы, очевидно, не захотятъ.

Иное дѣло, если къ тому времени Проливы уже будутъ нейтрализованы; это прежде всего даетъ намъ возможность пополнить нашъ Черноморскій флотъ судами Балтійскаго и тѣми которыя мы могли бы пріобрѣсти на сторонѣ.

Ясно также, что посылка Германіею военной миссіи направлена прежде всего противъ насъ.

Я не могу не предвидѣть худшаго. Столкновенія съ Турціею при ея подчиненности Германіи намъ не избѣжать. Съ своей стороны мы прилагаемъ всѣ усилія чтобы его отсрочить; Турція же поступаетъ повидимому наоборотъ, по собственному побужденію или по наущенію — это безразлично. Укрѣпляясь лишь временно при помощи Германіи—дѣйствительное возрожденіе ея миѳъ — она тѣмъ не менѣе въ состояніи нанести намъ въ короткій срокъ вредъ не поправимый, ибо усиленіе ея военнаго могущества и на сушѣ и на морѣ сдѣлаетъ ее уже не стражемъ, а хозяиномъ Проливовъ и, что еще хуже, добровольно подчинившимся не намъ, а тому кто ей теперь помогаетъ противъ насъ.

Вотъ почему болѣе чѣмъ когда либо я не могу отрѣшиться отъ убѣжденія, что если мы не возьмемъ на себя иниціативы въ дѣлѣ скорѣйшаго пересмотра договоровъ о Проливахъ на основѣ абсолютной нейтрализаціи ихъ—всякая другая основа заранѣе обречена на неуспѣхъ—преобладанію нашему въ бассейнѣ Чернаго моря нанесенъ будетъ тяжкій ударъ со всѣми его послѣдствіями для государства въ его цѣломъ.

Не меньшую опасность усматриваю и въ чужой иниціативѣ въ этомъ дѣлѣ. При нынѣшней международной обстановкѣ пересмотръ этихъ договоровъ можетъ быть поставленъ на очередь во всякое время и вопреки нашему желанію, будь то при рѣшеніи вопроса о судьбѣ Эгейскихъ острововъ, или изъ-за какого нибудь младотурецкаго выступленія, и мы можемъ подвергнуться риску, что намъ будутъ навязывать не нами выработанную, а иную схему прохожденія судовъ черезъ Проливы, при которой мы не сможемъ до-

биться обезпеченія неотчуждаемости частей побережья Черного моря находящихся въ рукахъ Турціи, Болгаріи и Румыніи, подъ устройство портовъ Германіею или какою либо другою державою. И тогда пришлось бы разстаться съ надеждою на обезвреженіе нашего стихійнаго врага, медленно но вѣрно переходящаго въ полное распоряженіе нѣмцевъ.

2 Іюля 1914.

Всколыхнувъ до самаго основанія австро-венгерскую монархію, кровавое Сераевское событіе не могло не произвести громаднаго и разносторонняго впечатлѣнія далеко за предѣлами страны и не внушить европейскимъ державамъ опасеній относительно положенія дѣлъ въ Австро-Венгріи и того направленія, которое можетъ принять, подъ тяжестью совершеннаго надъ наслѣдникомъ престола преступленія, нынѣшняя политика этой монархіи.

Для насъ, благодаря сложности нашихъ отношеній къ ней какъ нашей непосредственной сосѣдкѣ, входящей въ составъ враждебной Россіи группѣ европейскихъ державъ, вопросъ этотъ пріобрѣтаетъ особое значеніе. Попытаюсь въ немъ разобраться для посильнаго выясненія тѣхъ послѣдствій, которыя связаны съ тѣмъ или инымъ его рѣшеніемъ.

Около 30 лѣтъ тому назадъ, съ наступленіемъ такъ называемой Versöhnungsaera *) графа Таафе, вѣнское правительство рѣшилось отречься отъ отъ ультрагерманизаціонной политики по отношенію къ коронным областямъ монархіи, населеннымъ въ подавляющемъ большинствѣ славянами. Сдѣлано это было по разнымъ соображеніямъ, подъ натискомъ естественныхъ требованій послѣднихъ, достигнувшихъ затѣмъ— благодаря вліянію тѣхъ же нѣмецкихъ порядковъ управле-

---

*) Эра примиренія.

нія—значительныхъ успѣховъ въ области матеріальной и отчасти политической культуры.

Коррективомъ такого новаго направленія домашней политики Австріи, навязаннымъ ей извнѣ, явился почти одновременно австро германскій союзъ, въ необходимости котораго Бисмаркъ убѣдилъ австро-венгерскихъ правителей, запугавъ ихъ Россіею. Въ Вѣнѣ и Будапештѣ на это пошли, что было несомнѣнно ошибкою, за которую Австро-Венгріи вскорѣ пришлось и доселѣ приходится расплачиваться.

Излишне перечислять хорошо извѣстные фазисы русско-австрійскихъ отношеній съ той поры и по настоящіе дни. Достаточно лишь отмѣтить, что соглашеніе 1897 г. и Мюрцштегское, а затѣмъ примиреніе послѣ Боснійскаго кризиса положительныхъ результатовъ не дали, что́ сказалось съ особенною яркостью во время двухъ Балканскихъ войнъ и отозвалось столь рѣзко на трудахъ Лондонскаго совѣщанія.

Въ поискахъ основныхъ причинъ этого явленія нельзя прежде всего не остановиться на недостаткѣ попытокъ съ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ уясненія, во-первыхъ, образа дѣйствій Германіи въ ея стремленіяхъ удержать за австрійскимъ государствомъ, или по крайней мѣрѣ за правительствомъ, нѣмецкіе обликъ и содержаніе, и во-вторыхъ, связи между задачами Балканскаго славянства и такъ называемаго австрославизма. Какой бы животрепещущій вопросъ изъ области интересовъ Балканскихъ или австрійскихъ славянъ событія ни поднимали, наше общественное мнѣніе, не всегда достаточно свѣдущее и уравновѣшенное, прислушиваясь лишь къ проповѣдямъ современныхъ славянофиловъ, громило австрійцевъ какъ угнетателей славянства, а нѣмецкіе публицисты Австріи и Германіи, поощряемые своими правительствами, въ свою очередь вопили о пресловутомъ панславизмѣ даже оффиціальной Россіи, угрожающемъ будто-бы мирному развитію и жизни обоихъ германскихъ государствъ.

Очевидно, что при такой атмосферѣ, сгустившейся до крайнихъ предѣловъ въ эпоху послѣднихъ Балканскихъ войнъ, осуществленіе задачъ, поставленныхъ себѣ русскимъ правительствомъ при возникновеніи послѣднихъ, затрудни-

лось до чрезвычайности. Тѣмъ не менѣе, переживъ, хотя и не безболѣзненно, острую пору незавершившейся еще балканской драмы, мы стали, послѣ осуществленія нами ряда соотвѣтствующихъ мѣропріятій, на отвѣчающую требованіямъ нашей политики болѣе безопасную, какъ казалось, почву.

Убійство наслѣдника австрійскаго престола фанатикомъ сербомъ снова и рѣзко обострило положеніе, ибо, поставивъ для Австріи во весь ростъ вопросъ объ отношеніи монархіи къ ея славянскимъ подданнымъ и ихъ зарубежнымъ единоплеменникамъ, а главнымъ образомъ сербамъ, событіе это не можетъ не коснуться нашего отношенія къ велико-сербскимъ домогательствамъ, даже если бы мы отвергли возможность возложенія какой бы то ни было отвѣтственности за совершенное злодѣяніе на Бѣлградскія власти; слишкомъ ярко преступное дѣяніе, въ которое домогательства эти облеклись, вызвало негодованіе среди самихъ сербовъ Австріи, подвергшихся репрессіямъ даже со стороны ихъ сородичей хорватовъ.

Все это дѣло тѣмъ ближе можетъ насъ коснуться, что сербы королевства прониклись за послѣднее время—основательно или неосновательно вопросъ другой—увѣренностью, что въ ихъ борьбѣ съ Австріею, въ какую бы форму эта борьба ни вылилась, они найдутъ въ Россіи и въ русскомъ правительствѣ и сочувствіе, и поддержку. Попытки вовлечь насъ въ свои расчеты съ Австріею были ими сдѣланы въ эпоху Боснійскаго кризиса, при обсужденіи вопроса о доступѣ ихъ къ Адріатикѣ и при осадѣ Скутари; нѣтъ основаній для увѣренности, что они не возобновятъ ихъ и теперь, когда Австрія, повидимому, рѣшила вступить въ систематическую борьбу съ тѣмъ, что ея государственные дѣятели и общественное мнѣніе въ лицѣ австрійскихъ нѣмцевъ называютъ „великосербствомъ“, очагомъ идеи и дѣятельности котораго вѣнское правительство считаетъ сербское королевство.

Было бы преждевременно судить о томъ, во что обойдется Австро-Венгріи эта борьба вообще, а въ частности у себя дома, и до какихъ предѣловъ правительство двуединой

монархіи намѣрено ее довести; но судя по тому, что въ данное время творится въ сербо-хорватскомъ мірѣ, осуществленіе великосербской идеи, разумѣя подъ нимъ государственное объединеніе всѣхъ сербовъ австрійскихъ, венгерскихъ и балканскикъ—вопросъ во всякомъ случаѣ весьма гадательнаго будущаго, такъ велики культурныя различія между сербами перечисленныхъ категорій. Вѣнскому правительству этого хорошо извѣстно; оно на этомъ строитъ расчетъ и не безъ основаній. Для насъ же это обстоятельство имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что если бы, въ защитѣ домогательствъ сербовъ балканскихъ, мы дошли до рѣзкаго обостренія нашихъ отношеній къ Австро-Венгріи, сербскіе народы этого государства разбились бы еще болѣе, причемъ большинство ихъ, какъ и прочихъ славянъ Австріи, дорожащіе каждый особенностями своей культуры, въ лучшемъ случаѣ отнеслось бы отрицательно къ такому нежелательному для нихъ событію, какъ столкновеніе Россіи съ Австріею вообще, а ради защиты однихъ лишь балканскихъ сербовъ въ частности. Всѣ послѣдствія его точному учету не поддаются, но уже теперь можно предвидѣть, что на хорватовъ, словинцевъ, не говоря уже о чехахъ и полякахъ—война Россіи съ Австріею изъ-за сербовъ произведетъ прежде всего удручающее впечатлѣніе.

Я не хочу этимъ сказать, что Австрія безъ особаго труда и благополучно справится съ рѣшеніемъ одного изъ коренныхъ вопросовъ своего государственнаго бытія. Напротивъ, судя по всему тому, что въ этой странѣ теперь происходитъ, она переживаетъ грозу. Быть можетъ, въ ясномъ сознаніи окружающихъ ее опасностей, она отрѣшится въ этомъ вопросѣ отъ традиціонныхъ ошибокъ своей политики, осуждаемой ея собственными подданными всякихъ лагерей, ошибокъ уже такъ много ей стоившихъ, и направитъ ее на новый путь, болѣе ясный и болѣе отвѣчающій ея государственному укладу и доставшимся ей въ удѣлъ творческимъ силамъ. Но если она не успѣетъ въ предпринимаемой ею ради укрѣпленія своего внутренняго положенія борьбѣ съ очагами великосербской идеи, будь они дома или за рубежемъ—положеніе ее станетъ дѣйствительно критическимъ и

ея государственнымъ дѣятелямъ придется искать тотчасъ же помощи внѣ предѣловъ имперіи, иначе ей станетъ угрожать въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ какое либо катастрофическое для нея превращеніе. Такую помощь она, конечно, прежде всего найдетъ у своей союзницы Германіи, которая, несомнѣнно, выступитъ во всеоружіи на охрану столько же своихъ, сколько и австрійскихъ интересовъ. Во что однако обойдется Австріи такая помощь—предугадать съ точностью нельзя; но о какой либо окрѣпшей и возрожденной монархіи даже обновленнаго строя не будетъ и рѣчи.

У австрійскихъ государственныхъ людей есть другой путь для благополучнаго выхода изъ переживаемыхъ затрудненій: искать опоры въ Россіи. Но рѣшатся ли они вступить на него, можемъ ли мы этого желать и допустимо ли это съ точки зрѣнія нашихъ государственныхъ интересовъ? Таковъ вопросъ, который для меня ставится, но опредѣленно отвѣтить на таковой не берусь, такъ какъ въ настоящее время отъ меня могутъ ускользнуть совокупныя высшія требованія нашей внѣшней и внутренней политики. Могу лишь по этому высказать нѣкоторыя соображенія, покоющіяся на непосредственныхъ наблюденіяхъ надъ тѣмъ, что произошло за послѣднее десятилѣтіе и нынѣ происходитъ въ области русско австрійскихъ отношеній по дѣламъ Ближняго Востока въ связи съ обще-европейской политикой.

Обращеніе Австріи къ Германіи за помощью въ случаѣ неудачи предпринимаемаго ею похода противъ сербовъ, не столько своихъ, сколько зарубежныхъ, означаетъ новый поступательный шагъ въ дѣлѣ обостренія русско-германскихъ отношеній; другими словами, опасность нашего столкновенія съ Германіей не отдалится, а приблизится.

Австро-сербскій споръ во всемъ его объемѣ, находясь въ тѣсной связи съ политикою Австріи по отношенію ко всѣмъ прочимъ своимъ славянамъ, поставитъ и для насъ на очередь вопросъ объ установленіи наиболѣе отвѣчающаго политическимъ задачамъ Россіи отношеній къ тому, что принято называть австрославизмомъ. Вопросъ этотъ не можетъ быть, однако, разсматриваемъ нами безотносительно

къ тому, что происходитъ въ славянскихъ государствахъ Балканскаго полуострова.

Только что завершившіяся двѣ балканскихъ войны и выяснившіяся попытки воздѣйствія на ихъ исходъ со стороны Австро-Венгріи обнаружили для насъ тѣсную связь австрославизма съ задачею балканскаго славянства, при коренномъ различіи носителей этихъ двухъ идей въ Австріи и на Балканахъ.

Въ то время какъ балканскіе славяне строятъ свои расчеты на нашей враждѣ съ Австріей, не проявляя достаточной заботы о томъ, во что такая вражда можетъ намъ обойтись,—австрійскіе славяне въ подавляющемъ большинствѣ, и несмотря на существующія между ними разногласія и тренія, вожделѣютъ установленіе нормальныхъ и дружескихъ австро-русскихъ отношеній и рѣшительно отбрасываютъ мысль о возможности войны Австріи съ Россіею, войны, которая, по ихъ убѣжденію, послужила бы лишь къ укрѣпленію въ ихъ странѣ германизма, противъ котораго они борятся съ неослабѣвающею энергіею. Благодаря этой энергіи вопросъ объ отторженіи Австро-Венгріи отъ гнетущаго ея славянскіе народы союза съ Германіею можетъ, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, стать очереднымъ.

Хорваты, чехи, словинцы и прочіе славяне Австро-Венгріи, не говоря уже о полякахъ, къ домогательствамъ и задачамъ балканскихъ славянъ относятся съ политической точки зрѣнія сдержанно, считая эти народы менѣе культурною братіею; такое отношеніе сказалось съ особою силою когда возгорѣлась вторая балканская война и пошла безчеловѣчная расправа между славянами другъ съ другомъ и ими же вмѣстѣ съ греками надъ доставшимся имъ въ удѣлъ какъ мусульманскимъ, такъ и христіанскимъ населеніемъ Македоніи.

Такихъ настроеній австрійскихъ славянъ намъ нельзя не принять къ учету, какъ и того обстоятельства, что, борясь путемъ политическихъ воздѣйствій съ экономическими завоеваніями Австріи въ сосѣднихъ съ нею славянскихъ государствахъ Балканскаго полуострова, мы весьма чувствительно затрогиваемъ торгово-промышленные и всякіе другіе эконо-

мическіе интересы чеховъ и другихъ славянъ, населяющихъ большинство коронныхъ областей Цислейтаніи. Политическій успѣхъ нашъ въ такой борьбѣ достигался бы отчасти за счетъ экономическаго благосостоянія славянскихъ центровъ и парализовалъ бы ихъ тяготѣніе къ намъ.

Какъ бы ни былъ тягостенъ для вѣнскаго правительства австрославизмъ какъ присущій этому организму факторъ отъ котораго онъ тщетно пытается освободиться, нельзя исключать возможности, что въ предпринятой борьбѣ съ великосербствомъ оно справится собственными силами; въ противномъ случаѣ ему не миновать обратиться за помощью къ Германіи, которая въ ней, конечно, не откажетъ прежде всего въ своихъ интересахъ. И то, и другое будетъ имѣть для насъ одинаково нежелательныя послѣдствія.

Въ нашемъ распоряженіи быть можетъ окажутся достаточно могущественныя средства кромѣ угрозы войною для удержанія Австріи въ нужныхъ предѣлахъ въ затѣваемомъ ею предпріятіи, полномъ опасныхъ послѣдствій и для насъ. Если бы мы могли, напримѣръ, тѣмъ или инымъ путемъ подчеркнуть въ глазахъ всего славянства благожелательный интересъ къ задачамъ австрославизма, какъ политическаго фактора равнозначущаго нашимъ попеченіямъ о судьбахъ балканскихъ славянъ, а въ частности сербовъ—тяготѣніе всѣхъ австрійскихъ славянъ къ Россіи и ихъ вліяніе на вѣнскую политику облеклись бы въ болѣе реальную и осязательную форму. Выгодное само по себѣ, обстоятельство это облегчило бы намъ—если бы до того дошло дѣло—вмѣшательство въ расправу Австріи съ сербами королевства за драму въ Сераевѣ, расправу, на которую толкаютъ вѣнское правительство нѣмецко-австрійскіе шовинисты.

Естественно предположить, что въ случаѣ неудачи, ея вѣнскому кабинету останется лишь прибѣгнуть къ помощи союзницы; для насъ, какъ уже сказано выше, это значило бы прежде всего обостреніе нашихъ отношеній къ Германіи со всѣми его послѣдствіями, и помѣшать этому въ данное время—задача первостепеннаго для насъ значенія. Достигнуть такого результата мы могли бы легче, перенеся наши отно-

шенія къ Австріи на нѣсколько иную, не столь воспламеняющуюся почву.

Задача несомнѣнно сложная, но не неосуществимая, требующая прежде всего взаимнаго признанія жизненныхъ интересовъ той и другой стороны. Въ случаѣ ея осуществленія, расчеты упорныхъ проповѣдниковъ необходимости войны съ Россіею, находящихся на той и другой сторонѣ австро-германской границы, не оправдаются; обезвредивъ Австрію, мы обезвредимъ и Германію.

Надо надѣяться, что въ Вѣнѣ уразумѣютъ во что, въ концѣ концовъ, ей можетъ обойтись вообще, а въ данномъ случаѣ въ особенности, помощь Германіи, помощь, которая ни въ какомъ случаѣ не послужитъ въ будущемъ къ укрѣпленію двуединой монархіи при ея нынѣшнемъ государственномъ укладѣ и при лежащихъ на ней союзническихъ обязательствахъ. —

Отвѣтственный руководитель германской политики, канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ, не такъ давно счелъ нужнымъ возвѣстить съ парламентской трибуны неизбѣжность столкновенія двухъ враждующихъ міровъ, германскаго и славянскаго, и необходимость для страны не откладывать чрезвычайныхъ мѣръ защиты.

Если властный ходъ исторіи подтвердитъ его предвидѣнія—а настроеніе даннаго времени отчасти на то указываютъ— для насъ, конечно, особенно важно возможно ранѣе и совершено опредѣленно выяснить, въ какой мѣрѣ и до какихъ предѣловъ Австрія свяжетъ свою судьбу съ судьбою міра германскаго. Но даже въ томъ случаѣ, если человѣческій разумъ восторжествуетъ и предсказываемое намъ кровавое столкновеніе будетъ предотвращено усиліями какъ правительствъ, такъ и самихъ народовъ—задачи Россіи, въ которой Европа привыкла видѣть господствующую славянскую державу, по всѣмъ вѣроятіямъ потребуютъ отъ насъ измѣненія, въ смыслѣ возможно большей уравнительности отношеній нашихъ ко всѣмъ славянамъ, какъ живущимъ независимою государственною жизнью, такъ и къ тѣмъ, которые, пребывая подъ иноплеменною властью, находятся еще въ поискахъ наилучшаго для себя государственнаго уклада.

Европа, видимо, переживаетъ въ настоящее время пору эволюціонную по преимуществу. Насколько волна эволюціонизма захватила область международныхъ отношеній, можно судить по той смѣнѣ настроеній и рѣшеній, которая ясно проявилась въ политикѣ европейскихъ кабинетовъ за самые послѣдніе годы и, въ особенности, въ связи съ тѣми или иными фазисами недавнихъ балканскихъ войнъ. Отдѣльныя державы, участницы группировокъ, раздѣлившихъ ихъ на два враждующихъ лагеря, съ одной стороны, входятъ въ сепаратныя другъ съ другомъ соглашенія (экономическій раздѣлъ Турціи) съ другой — уклоняются, въ предѣлахъ иногда крайнихъ, отъ подчиненія духу союзническихъ обязательствъ и ищутъ заручиться не только сочувствіемъ, но и содѣйствіемъ на сторонѣ противной; перечислять имѣющіяся тому доказательства излишне.

Такое положеніе дѣлъ пока существенно не поколебало прочности тройственнаго союза или тройственнаго соглашенія, но во всякомъ случаѣ открыло пути ко всякимъ къ нимъ поправкамъ, обнаруживъ опасность слишкомъ узкаго и непримиримаго отношенія къ буквѣ создавшихъ эти два лагеря договорныхъ актовъ.

Если, поэтому, тщательно взвѣсить всѣ условія, которыми союзная намъ Франція и дружественная Англія обставляютъ свою поддержку нашихъ настояній передъ Австріей по каждому конкретному дѣлу балканскихъ славянъ, можно придти къ выводу, что намъ, быть можетъ, удалось бы самимъ, не прибѣгая каждый разъ къ ихъ помощи, порою недостаточно опредѣленной и колеблющейся, достигнуть большаго успѣха.—

.... Какъ всегда за послѣднее время, и на этотъ разъ событія опередили разсужденія и предвидѣнія, и мнѣ приходится отправлять Вамъ эти строки подъ гнетомъ впечатлѣній отъ совершихся уже фактовъ: Австрія предъявила Сербіи ультиматумъ. Выдвигаемые мною тезисы могутъ имѣть поэтому лишь ретроспективный интересъ; но они прежде всего отражаютъ въ своей основѣ испытываемый мною священный ужасъ при мысли, что домогательства и судьба балканскихъ сербовъ могли бы вынудить Россію на кровавую расправу съ Австріею и съ ея союзницею........

28 Августа 1914.

Чѣмъ шире развертываются событія, захватившія дыханіе европейскихъ народовъ, участвующихъ и не участвующихъ въ войнѣ, тѣмъ глубже я проникаюсь убѣжденіемъ, что она дастъ намъ новую эпоху возрожденія. Все, концепція государственной жизни народовъ, пути и средства развитія ихъ производительныхъ силъ духовныхъ и матеріальныхъ, пріемы неустранимой и въ будущемъ, но поставленной въ исключительно мирныя рамки, конкуренціи тѣхъ же народовъ на почвѣ этнической, экономической и духовной — все должно будетъ измѣниться съ уничтоженіемъ германскаго милитаризма. Иначе пришлось бы признать безсмысленною взаимоистребительную бойню, на которую втянутые Германіею, сознательно пошли мы, французы и англичане, и горе тѣмъ народамъ, которые не проникнутся сознаніемъ величія переживаемыхъ ими міровыхъ событій и необходимости заблаговременнаго учета всѣхъ возможныхъ послѣдствій ихъ.

Мысли эти властно руководятъ мною въ моей посильной работѣ уже теперь намѣтить основныя требованія будущаго мирнаго договора. Само собой разумѣется, что мое вниманіе сосредоточивается преимущественно на предстоящей перекройкѣ областей мнѣ близко извѣстныхъ, т. е. Австро-Венгріи-Балканъ и Турціи. За послѣднее время для меня представилась возможность ближе ознакомиться, на основаніи обильныхъ и надежныхъ справочныхъ матеріаловъ, а также и личныхъ сношеній, съ положеніемъ дѣлъ въ бассейнѣ Адріатики, главнымъ образомъ въ пролегающихъ къ ней съ востока и сѣвера славянскихъ земляхъ. Признаюсь: матеріалы эти оказались для меня откровеніемъ и окажутся тѣмъ же для многихъ изъ насъ.

Для меня раскрылась, напримѣръ, полная картина ожесточенной борьбы, которая, въ путяхъ притязаній должна будетъ разыграться вокругъ обладанія сѣверныхъ и восточнымъ побережіями Адріатическаго моря и ихъ хинтерланда. Къ этому вопросу автоматически приплетутся другіе: о Чехіи

и о словинцахъ, о будущемъ великосербскаго или просто сербскаго государства и связаннаго съ этимъ новаго распредѣленія силъ на Балканахъ, т. е. о грядущей роли и притязаніяхъ сербовъ, болгаръ, румынъ, грековъ и албанцевъ, послѣднихъ въ качествѣ кліентовъ союзныхъ пока Австро-Венгріи и Италіи. Не думаю ошибаться предвидя, что тяжесть разрѣшенія возникающихъ сложныхъ задачъ ляжетъ на насъ тяжелымъ бременемъ. Думаю также, что въ облегченіе своего труда намъ слѣдовало бы положить въ основу нашего неизбѣжнаго вмѣшательства два руководящихъ начала:

1. драконовскія требованія, которыя мы должны будемъ предъявить Германіи и Австріи по отношенію къ ихъ вооруженнымъ силамъ и къ пользованію ими распространить и на австрійскихъ славянъ въ обрисывающемся для нихъ новомъ государственномъ укладѣ, а главнымъ образомъ на всѣ прочіе балканскіе народы.

2. Разъ для всѣхъ нихъ будутъ намѣчены и установлены политическія границы—предоставить имъ самимъ заботу о частичныхъ размежеваніяхъ и создать имъ такую политическую обстановку, которая исключала бы необходимость для нихъ прибѣгать къ оружію при сведеніи счетовъ другъ съ другомъ.

Я глубоко убѣжденъ, что если мы отъ этихъ началъ отступимся—мы заблудимся въ противорѣчивыхъ домогательствахъ этихъ меньшихъ народовъ, нѣкоторые изъ которыхъ считаются нашими кліентами, и пожнемъ, рядомъ съ благодарностью однихъ, недовольство, если не ненависть другихъ; логика событій и исторія это предвѣщаютъ.

Мы не должны также терять изъ виду, что Букарестскій договоръ, съ которымъ намъ пришлось примириться лишь подъ натискомъ событій изъ страха передъ европейской войной, оставилъ открытыми всякіе вопросы и незалѣченными многія язвы. Сила вещей неизбѣжно потребуетъ его пересмотра, отъ чего уклониться уже будетъ невозможно.

Для меня вырисовываются также нѣкоторыя руководящія начала, которыя должны, по крайнему моему

разумѣнію, лечь въ основу предстоящей намъ колоссальной работы о ликвидаціи всѣхъ послѣдствій борьбы оружіемъ. Вѣдь это борьба небывалая: мы ведемъ войну противъ войны. Останавливаться на полдорогѣ, т. е. не добить врага, или по крайней мѣрѣ не обезсилить его военную мощь, намъ уже нельзя, ибо мы ратуемъ за будущій прочный миръ, ради котораго несемъ неслыханныя жертвы. Малѣйшие остатки этой преобладающей военной мощи могли бы снова загородить тѣ настежь открытыя двери, черезъ которыя стихійно должна вступить—я въ этомъ не сомнѣваюсь—новая эпоха въ жизни европейскихъ народовъ, надъ которыми полвѣка тому назадъ Германія занесла и держала съ той поры Дамокловъ мечъ, подъ нелѣпой кличкой вооруженнаго мира.

6 Сентября 1914.

Изъ надежнаго источника узнаю не лишенную интереса подробность о появленій „Гебена“ и „Бреслау“ на южномъ побережьи Средиземнаго моря.

Тотчасъ послѣ убійства эрцгерцога Франца-Фердинанда, когда Австрія рѣшила не откладывать военнаго похода на Сербію, державы Тройственнаго Союза повели переговоры о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи въ Средиземномъ морѣ, предусматривая, что австро-сербская война можетъ вызвать европейскую и что Франція поддержитъ всякое выступленіе Россіи до войны включительно.

Переговоры эти завершились уговоромъ объ образованіи соединенной эскадры Австріи, Германіи и Италіи. Въ составъ ея были назначены съ германской стороны „Гебенъ“ и „Бреслау“; но такъ какъ командованіе такою эскадрою не могло бы быть возложено ни на австрійскаго адмирала, ни на итальянскаго, оставалось лишь поручить это дѣло германскому, Сушону, который, прибывъ на Адріатику, поднялъ свой флагъ на „Гебенѣ“.

Объявленіе войны Германіи Англіею, о каковой возможности державы Тройственнаго Союза въ ту пору и не помышляли, какъ и объявленіе Италіею нейтралитета тотчасъ по объявленіи намъ войны Германіею—опрокинули всѣ расчеты союзниковъ. Въ ближайшемъ для нихъ результатѣ оказалось то, что оба германскихъ военныхъ судна очутились запертыми въ Средиземномъ морѣ.

Образъ дѣйствій Италіи возбудилъ негодованіе нѣмцевъ и австрійцевъ, отъ которыхъ итальянскому правительству пришлось выслушать весьма рѣзкіе упреки.

10 Сентября 1914.

Нѣсколько мыслей по поводу предстоящаго намъ сложнаго и тяжелаго труда—быть можетъ онъ уже не за горами—по ликвидаціи войны въ области дѣлъ, касающихся имперіи Габсбурговъ. Рѣшеніе этихъ дѣлъ, разумѣю устроеніе судьбы австро-венгерскихъ славянъ и всѣхъ балканскихъ народовъ, представитъ для насъ наибольшія затрудненія.

Подъ устроеніемъ судьбы ихъ разумѣю дарованіе имъ такихъ границъ и такого государственнаго уклада, которые исключали бы для нихъ всякую возможность видѣть въ развитіи своихъ вооруженныхъ силъ и въ военной подготовкѣ главнѣйшій факторъ, обезпечивающій ихъ будущее значеніе и независимость. Между тѣмъ, судя по разнымъ свѣдѣніямъ, которыя до меня доходятъ о настроеніяхъ руководящихъ круговъ населенія балканскихъ государствъ, въ Бѣлградѣ, Софіи, Букарестѣ и Афинахъ мечты объ увеличеніи территоріи тѣсно сплетаются съ расчетомъ на развитіе и укрѣпленіе будущихъ военныхъ силъ.

Весьма показательны въ этомъ отношеніи слова, сказанныя прибывшими въ Римъ румынскими делегатами, подчеркнувшими значеніе объединенія, подъ властью нынѣшней Румыніи, Трансильваніи и Бессарабіи указаніемъ на то, что

объединившаяся нація ихъ будетъ въ состояніи выставить „милліонную" армію. По поводу возвращенія Бессарабіи румынамъ одинъ изъ делегатовъ прибавилъ, что Россія „будетъ счастлива исправить сдѣланную ею 1878 г. ошибку". Аналогичная мысль сквозитъ и въ высказываемыхъ, хотя менѣе ясно, надеждахъ сербовъ, болгаръ и грековъ, попрежнему другъ друга ненавидящихъ и проявляющихъ мало склонности къ сведенію вѣками накопившихся между ними счетовъ путемъ разумныхъ компромиссовъ.

Міровоззрѣніе этихъ народовъ, очевидно, совершенно иное, чѣмъ то, которое руководитъ нами и нашими союзниками въ предпринятой титанической войнѣ и я не думаю ошибаться, приходя къ заключенію, что балканскіе народы, несмотря на достигнутые ими за новѣйшія времена нѣкоторые успѣхи въ области внѣшней культуры, не могутъ подняться до уровня пониманія высокой цѣли войны въ которой мы участвуемъ, цѣли, ради достиженія которой мы проливаемъ потоки драгоцѣнной крови русскаго народа.

Удивляться этому не приходится—до послѣднихъ десятилѣтій балканскіе народы въ теченіе долгихъ вѣковъ жили подъ гнетомъ византійско-турецкаго владычества—но помѣшать сохраненію ими прежнихъ взглядовъ на роль вооруженной силы въ ихъ государственной жизни входило бы, какъ мнѣ думается, въ наши и нашихъ союзниковъ расчеты.

Пока еще трудно судить о томъ, въ какой мѣрѣ и въ какой формѣ мы могли бы парализовать несомнѣнныя надежды балканскихъ народовъ на усиленіе ихъ собственной военной мощи; но для меня ясно одно, что пока эти надежды у нихъ существуютъ—о грядущемъ прочномъ умиротвореніи этихъ народовъ едва ли можетъ быть рѣчь.

Со стороны австро-венгерскихъ славянъ опасеній, по моему мнѣнію, не представляется. Милитаризмъ у нихъ никогда не былъ и не будетъ въ почетѣ. Чехи, словаки, сербохорваты и словинцы вели ожесточенную борьбу противъ нѣмецкой гегемоніи Вѣны; съ ея исчезновеніемъ они вздохнутъ свободно и вмѣстѣ съ нами искренно возликуютъ, когда увидятъ, что гидра тевтонскаго милитаризма растоптана нами и нашими союзниками. Но, покончивъ съ домашнимъ

врагомъ нѣмецкимъ и мадьярскимъ, они поведутъ упорную борьбу противъ врага внѣшняго, Италіи, въ посягательствахъ которой на чисто славянскія области Адріатики они отдаютъ себѣ ясный отчетъ, крайне опасаясь вступленія итальянцевъ въ ряды государствъ, борющихся противъ Австріи.

Мнѣ невольно приходится упомянуть объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ; не ради сужденій, конечно, о той пользѣ, которую мы и наши союзники извлекли бы изъ содѣйствія вооруженной силы Италіи, а въ виду всѣхъ послѣдствій, сопряженныхъ съ вступленіемъ этой страны въ ряды воюющихъ, для цѣлесообразнаго и успѣшнаго разрѣшенія сложнѣйшей, такъ называемой Адріатической проблемы. Для сужденія о сложности ея достаточно ознакомиться съ вожделѣніями итальянцевъ относительно всего восточнаго побережья Адріатическаго моря, какъ и съ подробностями ожесточенной и упорной борьбы, которую хорваты, сербы и словинцы ведутъ противъ итальянцевъ въ Тріестѣ, Истріи, Хорватіи и Далмаціи.

Весь хинтерландъ восточнаго побережья Адріатики сплошь заселенъ славянами; итальянцы составляютъ не болѣе какъ мелкія колоніи въ нѣкоторыхъ городахъ. Между тѣмъ итальянцы, пока видимо избѣгающіе принять участіе въ войнѣ, все чаще и громче обсуждаютъ и даже формулируютъ свои домогательства. Депутаты парламента и публицисты, въ печати и въ собраніяхъ, доказываютъ неотъемлемыя, будто-бы, права Италіи на Истрію, прибрежную Хорватію и Далмацію. Эти области имъ нужны, однако, для удовлетворенія требованій не только національныхъ и экономическихъ, но и, въ особенности, стратегическихъ.

Послѣднее—явно диссонирующая нота въ стройномъ аккордѣ трехъ союзниковъ, поставившихъ себѣ задачею внести миръ и успокоеніе въ жизнь меньшихъ европейскихъ народовъ, лишь только будетъ сокрушена военная мощь Германіи.

Если таково настроеніе итальянцевъ теперь, то что же будетъ, когда имъ удастся, по вступленіи въ ряды нашихъ союзниковъ, одержать какую либо побѣду надъ австрійцами? Ихъ притязаніямъ не будетъ уже предѣловъ и, къ сожалѣнію,

притязанія эти будутъ распространяться главнымъ образомъ на области, судьбы которыхъ ближе всего затрагиваютъ насъ, ставя на карту будущее обширнаго юго-славянскаго края, морально тяготѣющаго къ намъ и проникнутаго пониманіемъ высокой цѣли борьбы, къ которой Россія несетъ столь великія жертвы.

5 Октября 1914.

Чѣмъ дальше развертываются военныя и политическія событія вокругъ предстоящаго разгрома нынѣшней Австро-Венгріи, тѣмъ опредѣленнѣе вырисовываются домогательства славянскихъ группъ, входящихъ въ составъ этой монархіи на ея юго-западѣ и, параллельно, притязанія итальянцевъ на нераздѣльное господство въ Адріатикѣ. Возможность наступленія во всякое время рѣшающихъ для Астріи событій побуждаетъ меня высказать болѣе конкретныя предположенія по тому общему вопросу, о которомъ я Вамъ писалъ 10 сентября.

На первомъ мѣстѣ среди вышеупомянутыхъ народныхъ группъ стоятъ сербо-хорваты и словинцы, въ виду тѣсной связи ихъ политическаго будущаго съ будущимъ балканскихъ сербовъ, несущихъ всѣ тягости войны ради достиженія завѣтной цѣли всего сербства въ его совокупности. Для возможно болѣе правильной оцѣнки создающагося для этихъ народовъ новаго положенія вещей необходимо, однако, принять къ учету и всѣ тѣ факторы, которые могутъ влiять на ихъ будущее политическое устройство и которые, въ пору увлеченія единичнымъ національнымъ лозунгомъ, легко остаются въ тѣни.

Какъ бы всѣ австрійскіе и венгерскіе сербы, хорваты и словинцы ни относились сочувственно къ участію балканскихъ сербовъ въ вооруженной борьбѣ противъ монархіи, нельзя, однако, разсчитывать съ увѣренностью на то, что

разверстка ими самими славянскихъ, австрійскихъ и венгерскихъ, земель и установленіе новаго государственнаго уклада пройдутъ вполнѣ гладко. Въ одномъ они, впрочемъ, безусловно единодушны: въ отверженіи всякихъ притязаній итальянцевъ на побережье Адріатическаго моря отъ Тріеста до Дураццо и будутъ всѣми доступными для нихъ средствами бороться противъ посягательствъ на эту область со стороны Италіи; но именно совпаденіе такого настроенія ихъ по отношенію къ итальянскимъ притязаніямъ съ предстоящею имъ задачею объединить свои собственныя славянскія земли таитъ въ себѣ возможность нежелательныхъ, быть можетъ, компромиссовъ.

Едва ли можно допустить, чтобы вѣнское правительство не было точно освѣдомлено о таковомъ настроеніи своихъ славянскихъ подданныхъ и не пыталось использовать его для отторженія отъ общаго дѣла словинцевъ и хорватовъ Хорватіи, Истріи и Далмаціи; Боснія и Герцеговина, какъ области, которыя могутъ быть потеряны во всякомъ случаѣ, въ счетъ не идутъ. Такую попытку нельзя не усмотрѣть, напримѣръ, въ крутыхъ мѣрахъ, принимаемыхъ за самое послѣднее время австрійскими властями противъ итальянцевъ, находящихся въ указанныхъ областяхъ, въ особенности же въ гнѣздѣ ирредентизма—Тріестѣ.

Нельзя еще пока исключать возможности, что словинцы и хорваты, особливо первые, уже цѣлыя десятилѣтія упорно борющіеся съ итальянцами въ Тріестѣ и въ Истріи при поддержкѣ изъ Вѣны, относятся къ этимъ мѣрамъ не безъ сочувствія, быть можетъ и отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что они являются дарами Данайцевъ погибающихъ, но и намѣчая также возможность использованія ихъ въ свое время въ той или другой формѣ, т. е. когда, при обсужденіи мирнаго договора, на очередь будетъ опредѣленно поставленъ вопросъ о судьбѣ австрійской державы.

Нельзя также упускать изъ виду, что полное объединеніе сербовъ съ хорватами еще далеко не совершившійся фактъ, что между ними еще не сгладились тренія на почвѣ культурной и церковной, и что борьба хорватовъ съ мадьярскимъ правительствомъ вовсе не означаетъ еще у этихъ

послѣднихъ твердаго намѣренія отторгнуться отъ Австріи или Венгріи для того, чтобы войти въ составъ великой Сербіи съ Бѣлградомъ во главѣ.

Если же ко всему этому прибавить, что усилившееся преслѣдованіе итальянцевъ въ Австріи, какъ подданныхъ этой державы, такъ и пришлыхъ изъ Италіи, даетъ послѣдней поводъ настаивать на обоснованности своихъ притязаній въ бассейнѣ Адріатики—то легко себѣ представить какъ осложнится наша и нашихъ союзниковъ задача въ дѣлѣ установленія прочнаго порядка вещей на развалинахъ юго-западнаго угла австро-венгерской монархіи.

Я не хочу этимъ сказать, что мы не смогли бы выработать и продиктовать основныхъ условій политическаго переустройства названныхъ славянскихъ областей, что словинцы и хорваты отступились бы отъ упорной борьбы съ нѣмецкой и мальярской гегемоніей, или—еще менѣе—не подчинились бы нашему рѣшенію, но я опасаюсь, что если таковое не будетъ отвѣчать въ возможной полнотѣ ихъ собственнымъ планамъ будущаго устройства своей государственной жизни—высокая задача нами поставленная, а именно обезпеченіе мирнаго сожительства славянскихъ народовъ, доселѣ искусственно разрозненныхъ, едва ли будетъ легко и скоро осуществлена.

О какомъ либо объединеніи итальянцевъ населяющихъ Австрію едва ли вообще можетъ быть рѣчь—до такой степени растянуты и разбросаны мѣста ихъ жительства. Собственно, сплошное итальянское населеніе имѣется лишь въ Трентинѣ и въ западной полосѣ провинціи Гориціи, примыкающей къ области итальянскаго королевства, именуемой Венеція—Джулія.

Въ Тріестѣ они составляютъ менѣе половины населенія, но фактически являются хозяевами городского и, поэтому, отчасти областного управленія. Въ Истріи они имѣютъ небольшіе городскіе поселки, расположенные на самомъ берегу моря или неподалеку отъ него, а затѣмъ, начиная отъ южной оконечности этой области и вплоть до Дубровника (Рагузы) они проживаютъ исключительно въ приморскихъ городахъ, гдѣ за исключеніемъ Задара (Зара) образуютъ даже не

колоніи, а политическіе партіи городскихъ жителей. Итальянское, или точнѣе итальянизированное населеніе почти пустынныхъ острововъ Далматинскаго архипелага настолько незначительно, что въ счетъ идти не можетъ. Такимъ образомъ можно говорить лишь о такой территоріи Австріи, на которую итальянцы имѣютъ несомнѣнныя права, т. е. о Трентинѣ и о западной полосѣ Горици, а не объ объединеніи всѣхъ австрійскихъ итальянцевъ въ одно политическое цѣлое.

Между тѣмъ итальянцы—и то разумѣя лишь представителей умѣренныхъ теченій вліятельныхъ политическихъ круговъ—требуютъ, ради предотвращенія опасности связанной для Италіи съ переходомъ восточнаго побережья Адріатики въ руки какой либо сильной державы, по меньшей мѣрѣ присоединеніе къ королевству Тріеста съ его областью, всей Истріи и крупной части Далмаціи, не говоря уже о Валонѣ, „ключѣ Адріатическаго моря". Не подлежитъ сомнѣнію, что такія домогательства, за исключеніемъ притязанія на обладаніе Валоною, встрѣтятъ ожесточенный отпоръ со стороны славянъ, составляющихъ сплошную массу населенія непосредственно прилегающаго къ этой морской полосѣ, въ предѣлахъ Австріи и Венгріи, хинтерланда.

Если имѣть при этомъ въ виду, что Адріатическая проблема, тѣсно связанная съ будущимъ всего южнаго и югозападнаго славянства, входятъ лишь какъ часть еще болѣе обширной задачи,—установленіе равновѣсія въ Средиземномъ морѣ—задачи, правильное рѣшеніе которой имѣетъ особенное значеніе для союзныхъ намъ Франціи и Англіи, то уже нынѣ можно составить себѣ представленіе о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми придется встрѣтиться при выработкѣ условій, имѣющихъ быть установленными для Астро-Венгріи при заключеніи мира.

По крайнему моему разумѣнію, выходъ изъ лабиринта неизбѣжныхъ и самыхъ противорѣчивыхъ домогательствъ и пожеланій, съ которыми придется считаться, мы могли бы найти въ руководствѣ нижеслѣдующими основными положеніями:

1. установленіе незыблемымъ принципомъ, что все австро-венгерское побережье Адріатическаго моря отъ Тріеста до Спиццы, должно находиться во владѣніи народовъ хинтерланда (примѣненіе этого принципа можетъ быть распространено въ случаѣ нужды и далѣе на югъ, до греческой границы).

2. Адріатическое море должно быть признано нейтральнымъ въ смыслѣ запрета для государствъ, владѣющихъ его берегами, имѣть и сооружать на нихъ военные форты и крѣпости,

Мнѣ представляется, что при такихъ условіяхъ Адріатическая проблема упростилась бы значительно.

Славяне были бы вполнѣ удответворены и несомнѣнно привѣтствовали бы разоруженіе Полы и Которской Бухты.

Съ уничтоженіемъ этихъ военныхъ портовъ, притязанія Италіи на Истрійское и Далматинское побережія, притязанія, обосновываемыя ею удовлетвореніемъ настоятельной будто бы стратегической нужды, утратили бы всякую почву. Не соорудивъ до сей поры ни одного военнаго порта-крѣпости на своей части Адріатическаго побережія, Италія не будетъ имѣть основаній усмотрѣть въ соотвѣтствующемъ взаимномъ обязательствѣ прибрежныхъ государствъ какое либо посягательство на ея достоинство какъ суверенной державы, тѣмъ болѣе, что для нея останутся открытыми рѣшительно всѣ пути дальнѣйшаго мирнаго проникновенія въ страны, которыя она не безъ нѣкотораго основанія считаетъ своимъ достояніемъ съ точки зрѣнія культуры.

Вопросъ о Валонѣ, о каналѣ Корфу и объ Отрантскомъ проливѣ, т. е. о входѣ и выходѣ въ Адріатику, если не отпадутъ совершенно, то, по крайней мѣрѣ, утратятъ всякую остроту и однимъ боевымъ вопросомъ европейской политики будетъ меньше.

28 Октября 1914.

Съ разгромомъ австро-венгерскихъ войскъ и съ крушеніемъ двуединой государственной власти этой монархіи естественно возникнетъ во всемъ его объемѣ срочный вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ входящихъ въ ея составъ народовъ.

Признаюсь, что довольно трудно разсуждать на тему о судьбѣ Австро-Венгріи въ такую пору, когда еще не смолкнулъ громъ пушекъ и когда всѣ наши помыслы направлены прежде всего къ тому, что творится на берегахъ Вислы и Сана. Казалось бы, дѣйствительно лучше погодить съ такими разсужденіями, пока не выяснится исходъ страшныхъ боевъ захватывающихъ душу. Однако, такой психологіи, естественной для всякаго изъ насъ въ переживаемую грозную пору, лично я чураюсь всѣми силами. Стоитъ дать подкрасться малѣйшему сомнѣнію въ нашемъ скоромъ конечномъ торжествѣ, чтобы духъ смутился и пересталъ вдохновлять работу. Вотъ почему я говорю о будущемъ, игнорируя настоящее, какъ бы сильно оно подчасъ ни волновало.

Если, говоря о народахъ Австріи, выключить изъ счета поляковъ, для которыхъ уже намѣчается полное объединеніе, и мадьяръ, имѣющихъ опредѣленное государственное устройство—останутся такъ сказать висѣть на воздухѣ нижеслѣдующія народныя группы, занимающія опредѣленныя области:

чехи съ моравами и словаками
сербы и хорваты
словинцы
румыны
нѣмцы и
итальянцы.

Разсуждая теоретически, отторженіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно сербо-хорватовъ, румынъ и итальянцевъ, для присоединенія ихъ къ единоплеменнымъ сосѣднимъ государствамъ явилось бы самымъ естественнымъ и упрощеннымъ способомъ устроенія ихъ будущей государственной жизни, способомъ, болѣе или менѣе отвѣчающимъ высшимъ

цѣлямъ настоящей войны; но осуществленіе его несомнѣнно встрѣтило бы неопреодолимыя затрудненія со стороны самихъ этихъ народовъ.

Уже теперь имѣется не мало данныхъ, заставляющихъ предвидѣть, что, напримѣръ, планы о созданіи великой Сербіи или великой Румыніи, подъ главенствомъ Бѣлграда и Букареста, могутъ потерпѣть крушеніе не подъ давленіемъ внѣшнихъ воздѣйствій, а вслѣдствіе внутреннихъ разногласій.

Чехи съ моравами и словаками къ этой категоріи австрійскихъ народовъ отнесены быть не могутъ, какъ по своей географической обособленности отъ прочихъ славянсихъ областей юго-запада монархіи, отъ которыхъ они отдѣлены нѣмецкими провинціями Тироль, Залькамергутъ, Верхняя и Нижняя Австрія, такъ и вслѣдствіе наличности тѣсно сплетающихся областныхъ экономическихъ интересовъ между чехами и австрійскимими нѣмцами, несмотря на племенную вражду.

Что касается словинцевъ, то въ настоящее время было бы еще трудно съ точностью опредѣлить, къ какой группѣ австрійскихъ славянъ ихъ можно присоединить въ смыслѣ государственнаго объединенія: къ примыкающимъ ли къ нимъ съ юга сербо-хорватамъ, или же къ чешской группѣ, отдѣленной отъ нихъ полосой вышеупомянутыхъ нѣмецкихъ провинцій. И то, и другое имѣло бы свое основаніе, но выборъ будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ новаго государственнаго уклада австро-венгерской державы въ ея цѣломъ. Каковъ будетъ этотъ укладъ, сохранитъ ли свою власть династія Габсбурговъ, останутся ли объединенными урѣзанныя Австрія и Венгрія, или же входившія въ ихъ составъ области сольются въ одну или нѣсколько отдѣльныхъ группъ на началахъ федераціи—до рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ, т. е. въ сущности принципіальнаго вопроса о бытіи или небытіи австро-венгерской монархіи, какъ двуединой державы, словинцы едва ли смогутъ сами вполнѣ опредѣленно формулировать свои домогательства; къ тому же, еще менѣе хорватовъ они увлекаются мыслью о закрѣпощеніи себя великою Сербіею подъ главенствомъ Бѣлграда.

Таковы въ краткомъ перечисленіи составные элементы одного изъ крупныхъ вопросовъ ликвидаціи войны—перекройки владѣній нынѣшней Австро-Венгріи и дальнѣйшей судьбы этой монархіи. Одновременно и въ органической связи съ нимъ станетъ на очередь вопросъ о ликвидаціи войны по отношенію къ народамъ Балканскаго полуострова.

Въ этомъ послѣднемъ краѣ пока еще остаются въ силѣ постановленія букарестскаго договора. Но въ немъ, со времени балканской войны до такой степени ярко обнаружился духъ политическаго „бандитизма“, порою грубаго, порою утонченнаго, присущаго всѣмъ безъ исключенія народамъ балканскихъ государствъ, не говоря уже о проявленной ими за то же время звѣрской жестокости, посѣяно между ними и доселѣ таится такъ много злобы и вражды, что оставленіе этого договора безъ пересмотра совершенно парализовало бы всѣ наши усилія установить на Балканахъ какой либо прочный порядокъ вещей и укрѣпить на прочной основѣ наше тамъ положеніе.

Если до сей поры такой пересмотръ представлялся дѣломъ затруднительнымъ и рискованнымъ, способнымъ осложнить и безъ того сложныя отношенія наши къ нѣкоторымъ балканскимъ народамъ, въ особенности пока длится война, то въ настоящее время, благодаря выступленію турокъ, задача можетъ значительно облегчиться. Съ неизбѣжнымъ и—какъ надо полагать—окончательнымъ разгромомъ турецкаго владычества на Европейскомъ материкѣ, съ уничтоженіемъ крѣпостныхъ сооруженій на Проливахъ и съ нейтрализаціей прилегающей къ нимъ съ обѣихъ сторонъ территоріи, политическіе планы и домогательства румынъ, болгаръ и грековъ будутъ вдвинуты въ опредѣленныя и крѣпкія рамки самой силою вещей и не представятъ для насъ никакой опасности въ будущемъ. Для соглашенія между ними на почвѣ территоріальныхъ исправленій и приращеній за счетъ Австріи и Турціи, а также болѣе разумнаго размежеванія Македоніи, откроется естественный путь, на который они вступятъ безъ особаго принужденія съ нашей стороны, а наше вмѣшательство въ устроеніе ихъ дальнѣйшей судьбы могло бы выразиться лишь въ запретѣ прибѣгать къ оружію для сведенія

взаимныхъ счетовъ между собою, запретѣ, который вытекалъ бы естественно изъ цѣлей, поставляемыхъ нами и нашими союзниками въ настоящей войнѣ.

Всѣ эти данныя справочнаго свойства и соображенія укрѣпляютъ меня въ основной мысли, что намъ предстоитъ громадный трудъ по ликвидаціи тѣхъ самыхъ сложныхъ вопросовъ, австро-венгерскаго и балканскаго, которые такъ властно повліяли на стремительное объявленіе намъ Германіею войны. Мнѣ представляется поэтому естественнымъ что сокрушивъ надолго, если не навсегда военную мощь этой державы и войска ея союзниковъ, первою заботою по окончаніи вооруженной борьбы явится совершенное обезвреженіе тѣхъ самыхъ народовъ, образъ дѣйствій и государственный укладъ которыхъ вызвали столь великія жертвы, какъ тѣ, что мы несемъ и будемъ неизбѣжно нести еще нѣкоторое время.

Мнѣ думается также, что какое бы новое политическое устройство ни было создано для двухъ народныхъ группъ— австро-венгерской и балканской—распространеніе на нихъ тѣхъ драконовскихъ ограниченій организацій вооруженныхъ силъ и пользованіе ими, которыя мы должны будемъ навязать Германіи, напрашивается само собою.

Рядомъ съ этимъ мы могли бы въ то же время предоставить этимъ народамъ самостоятельно, въ общихъ территоріальныхъ предѣлахъ нами указанныхъ, размежеваться и создать себѣ новый государственный укладъ, отвѣчающій ихъ политическому міровоззрѣнію и желанію. Я увѣренъ, что при такихъ условіяхъ никакихъ „великихъ“ Сербіи, Румыніи, или даже австрославянской державы они создать не смогутъ, а мы освободимся отъ неизбѣжныхъ и нежелательныхъ послѣдствій нашего слишкомъ непосредственнаго вмѣшательства въ такое дѣло, т. е. отъ сомнительной признательности однихъ народовъ и несомнѣнной ненависти другихъ. Вопросъ сводился бы такимъ образомъ къ выбору способа предоставленія обѣимъ группамъ этихъ народовъ совмѣстно обсудить и выяснить свои нужды и пожеланія, которыя и послужили бы намъ матеріаломъ, необходимымъ для выработки условій прочнаго мира по окончаніи военныхъ дѣйствій.

Но какъ и когда къ такому дѣлу приступить?.

Признаюсь откровенно, что я весьма затруднился бы намѣтить какой либо modus procedendi пока идетъ вооруженная борьба; но въ необходимости заблаговременнаго выясненія этого дѣла едва ли можно сомнѣваться. Нельзя также не считаться и съ тѣмъ, что война, затягиваясь можетъ создать всякія неожиданности въ области политики, что балканскія и прочія, пока нейтральныя, государства могутъ въ силу новыхъ обстоятельствъ быть вовлечены въ вооруженную борьбу; но такое событіе не могло бы, по крайнему моему разумѣнію, переставить на иную почву наши и нашихъ союзниковъ требованія по отношенію къ странамъ, вѣками служившимъ очагами европейскихъ осложненій и смутъ.—

Два слова въ заключеніе этого письма.

Всѣ высказанныя мною мысли и предположенія относительно разрѣшенія сложнаго вопроса о грядущей судьбѣ нѣкоторыхъ австро-венгерскихъ и всѣхъ балканскихъ народовъ въ связи съ будущностью двуединой монархіи—не болѣе какъ попытка хоть сколько-нибудь оріентироваться въ томъ „новомъ", что надвигается намъ навстрѣчу и въ тѣхъ задачахъ, которыя намъ будутъ предстоять, когда исчезнутъ преобладающая военная мощь Германіи, а вмѣстѣ съ нею и австро-германскій блокъ. Невольно приходится сочетать наблюденія надъ фактами положительными съ фантазіею; но я едва ли ошибусь въ предположеніи, что моя фантазія ничтожна по сравненію съ тѣмъ, что пріуготовляютъ переживаемыя нами міровыя событія, величіе и реальная сила которыхъ не сразу можетъ поддаться нашему правильному учету.

5 Декабря 1914

Посылаю Вамъ безъ всякихъ пока коментарій выдержку изъ письма офицера одной изъ союзныхъ намъ державъ по вопросу о роли Австріи въ европейскомъ равновѣсіи.

„Центръ европейскаго равновѣсія лежитъ въ Средиземномъ морѣ. Съ прорытіемъ Суэзскаго канала море это стало главнѣйшею, быть можетъ, станціею міpового морскаго сообщенія. Поэтому прибрежныя державы являются существенными факторами европейскаго равновѣсія, такъ какъ государства, не имѣющія собственнаго выхода къ Средиземному морю, стремятся къ послѣднему путями имъ не принадлежащими. Въ такомъ положеніи кроется одна изъ главнѣйшихъ причинъ прежнихъ конфликтовъ, какъ и настоящаго.

Изгнанная изъ Германіи Австрія потеряла, послѣ объединенія Италіи, свободу дѣйствій какъ прибрежная держава. Ее начала толкать на югъ новая германская имперія въ своихъ цѣляхъ, такъ какъ иного пути, какъ черезъ Австро-Венгрію, она не имѣла; препятствія, которыя послѣдняя встрѣчала со стороны балканскихъ народовъ, служили пособіемъ для Германіи въ ея игрѣ. Не въ состояніи оказывать рѣшительнаго сопротивленія давленію Германіи съ сѣвера и Россіи съ востока, Австрія шла на югъ черезъ Балканы въ убѣжденіи, что это единственный открытый для нея путь.

Drang nach Osten сталъ на дѣлѣ не девизомъ политики Австріи, а символомъ германскаго движенія къ Средиземному морю.

При свиданіи короля Виктора Эммануила съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ въ Венеціи въ 1875 году австрійскій монархъ заявилъ безъ обиняковъ, что относительно Трентино Австрія и Италія могли бы прійти къ соглашенію, но что вопросъ о Тріестѣ не можетъ быть и поднятъ, такъ какъ этотъ вопросъ не только австрійскій, но и германскій. Вытекающая изъ такого положенія Австріи роль ея въ европейскомъ равновѣсіи можетъ быть, очевидно, лишь временною, преходящею. Въ силу воздѣйствія самой Германіи, рано или поздно наступитъ моментъ, кода Австрія должна будетъ исчезнуть тѣмъ или инымъ способомъ: въ такомъ случаѣ ея мѣсто на Адріатикѣ займетъ Германія.

Взглянувъ на дѣло съ этой точки зрѣнія, нельзя не прійти къ выводу, что роль австро-венгерской монархіи какъ государства—буфера между германскимъ и славян-

скимъ теченіями чисто иллюзорная. Такой выводъ напрашивается самъ собою, если вкратцѣ очертить положеніе, въ которомъ очутились европейскія государства со времени образованія германской имперіи и, въ особенности, послѣ берлинскаго конгресса.

На почвѣ ватиканскихъ дѣлъ Германія поддерживала притязанія Австріи и разногласія между Франціею и Италіею; послѣднія двѣ державы, благодаря, съ одной стороны, раздорамъ съ Ватиканомъ, а съ другой—ультрамонтанскимъ теченіямъ въ обѣихъ странахъ, ничего не смогли противупоставить стараніямъ Германіи помѣшать франко-итаальянскому сближенію.

По отношенію къ Россіи, Бисмаркъ не безъ успѣха возбуждалъ и поддерживалъ недовѣріе къ ней балканскихъ славянъ, къ непосредственной и вящщей въ данный моментъ пользѣ Австріи, но въ будущемъ и самой Германіи.

Пріобрѣтеніе Австріею Босніи и Герцеговины, хотя и на основѣ договора съ Россіею въ Рейхштадтѣ, былъ въ сущности торжествомъ двойной игры бисмарковской политики.

Европа несомнѣнно понимала эту двойную игру, но ничего не смогла ей противопоставить, несмотря на создавшееся соглашеніе и союзы.

Придуманная тройственнымъ союзомъ формула statu quo служила Германіи лишь маскою для сокрытія настоящей игры.

Австрія слѣдовала своей судьбѣ быть можетъ безотчетно. Италія ничего не могла предпринять и выступила съ своей формулою „Балканы для балканскихъ народовъ"; это было сдѣлано больше съ цѣлью разоблаченія германской игры, чѣмъ въ разсчетѣ помѣшать ей.

Со времени Берлинскаго конгресса положеніе Австріи стало лишь переходнымъ; можно сказать, что она была „терпима" обѣими заинтересованными сторонами. На одной была Германія, которой Австрія была нужна какъ средство для предотвращенія опасности со стороны Англіи и какъ тормозъ для посягательствъ Россіи и Франціи, на другой—народы бассейна Средиземнаго моря. Сама оказавшаяся между ними Австрія не могла освободиться отъ германскаго

давленія, ибо у себя дома была подчинена военной, придворной и клерикальной партіямъ, во имя династическаго принципа толкавшимъ ее туда же, куда толкала и Германія.

Каковъ бы ни былъ новый политическій укладъ Европы, нужно ли, чтобы Австрія продолжала играть роль, да еще кажущуюся государства—буфера?

Не слѣдуетъ забывать, что она всегда останется авангардомъ Германіи въ борьбѣ послѣдней за гегемонію. Австрія и Германія—одна душа въ двухъ тѣлахъ; германская опасность воплощается въ совокупности этихъ двухъ государствъ и трудно допустить, чтобы то изъ нихъ, которое находится на югѣ, могло и желало сдерживать поступательное движеніе того, которое на сѣверѣ: воды низовья рѣки не могутъ удержать водъ верховья.

Въ точности предвидѣть будущее невозможно; но каковъ бы ни былъ исходъ войны и какъ бы основательны Германія и Австрія ни были побиты — австро-германскій блокъ разрушенъ не будетъ; для Германіи всегда останется достаточно Австріи для того, чтобы пользоваться ею для своей политической игры, которая потерпитъ лишь пріостановку.

Австро-германскій блокъ долженъ быть оцѣпленъ желѣзнымъ кольцомъ. Одно изъ первыхъ условій успѣха въ такомъ дѣлѣ—конфедерація балканскихъ государствъ, какъ ядро англо-латино-славянской лиги."

28 Декабря 1914 г.

Не могу не отмѣтить впечатлѣнія произведеннаго переданнымъ русскими газетами текстомъ рѣчей, которыми обмѣнялся нашъ новый посланникъ въ Сербіи съ королевичемъ Александромъ при представленіи вѣрительныхъ грамотъ, въ кругахъ сербскихъ и хорватскихъ политическихъ дѣятелей эмигрировавшихъ изъ Австро-Венгріи.

Въ этихъ кругахъ отвѣтныя слова сербскаго регента съ напоминаніемъ о необходимости для Россіи „блюсти жизненные интересы Сербіи“ были сочтены не вполнѣ умѣстными и подсказанными военными элементами въ сербскомъ правительствѣ, пользующимися нераздѣльнымъ и возростающимъ вліяніемъ и настроенными непримиримо въ вопросахъ объ уступкахъ болгарамъ въ дѣлѣ полюбовной разверстки нѣкоторыхъ македонскихъ областей, о которой Россія такъ хлопочетъ.

По мнѣнію этихъ круговъ однородное воздѣйствіе сказалось и въ почти одновременно появившемся приказѣ по сербской арміи, въ которомъ королевичъ Александръ упомянулъ о предстоящемъ, путемъ законодательнаго акта, уравненіи въ конституціонныхъ правахъ сербовъ завоеванныхъ въ Македоніи земель съ сербами королевства. Во всемъ этомъ сербо-хорватскіе эмигранты усматриваютъ своего рода провокацію со стороны бѣлградскихъ властей по адресу зарубежныхъ и домашнихъ сторонниковъ уступокъ болгарамъ.

Въ личныхъ бесѣдахъ со мною на эту тему эмигранты откровенно признавались, что для сербовъ и хорватовъ австро-венгерскихъ земель совершенно непонятна македонская политика Бѣлграда; война 1912—13 года должна была бы убѣдить сербовъ королества во всѣхъ явныхъ и скрытыхъ опасностяхъ борьбы изъ за Македоніи и въ необходимости отдать въ переживаемую пору великой европейской войны всѣ свои силы на служеніе исключительно дѣлу объединенія съ сербами и хорватами двуединой монархіи.

Какъ мнѣ довелось узнать, были сдѣланы попытки побудить бѣлградскихъ сербовъ стать на такую точку зрѣнія, но попытки эти успѣхомъ повидимому не увѣнчались.

Поживемъ увидимъ; но я очень боюсь, что нашей задачѣ установить прочный миръ на Балканахъ, въ частности въ Македоніи, предстоитъ весьма тернистый путь.....

16 Февраля 1915.

По мѣрѣ хода военныхъ событій и выясненія всѣхъ данныхъ могущихъ повліять въ свое время не судьбу австро-венгерской монархіи, вопросъ о будущности Тріеста пріобрѣтаетъ, какъ мнѣ кажется, все большее значеніе. Обстоятельства дали мнѣ возможность близко ознакомиться съ домогательствами за обладаніе этимъ портомъ итальянцевъ и сплошною массою облегающихъ его съ сѣвера, востока и юга славянскихъ народовъ сербо-хорватскаго племени. Домогательства эти до такой степени противоположны, до такой степени страстна борьба изъ-за нихъ заинтересованныхъ сторонъ, правда, пока еще академическая, что нельзя не предвидѣть той выдающейся роли, которую рѣшеніе участи Тріеста сыграетъ не только въ дѣлѣ политической перекройки австро-венгерскихъ земель, но и въ вопросѣ установленія прочнаго порядка вещей въ бассейнѣ Адріатики въ связи съ будущимъ положеніемъ германской имперіи.

Посильно разбираясь въ этомъ вопросѣ прихожу къ нѣкоторымъ конкретнымъ предположеніямъ.

Находясь во владѣніи Австріи, Тріестъ, какъ портъ, на дѣлѣ принадлежитъ не ей одной, а является достояніемъ австро-германскаго блока и въ частности тѣмъ пунктомъ побережья Адріатики, къ захвату котораго Германія стремится въ своихъ усиліяхъ выйти къ Средиземному морю.

Если блокъ этотъ разрушенъ не будетъ, судьба Тріеста окажется предопредѣленною: не только итальянцы не смогутъ использовать его для своихъ цѣлей, преимущественно если не исключительно политическихъ, но и весь громадный чисто славянскій хинтерландъ этого порта останется въ экономическомъ подчиненіи Германіи, подчиненіи, которому Австрія какъ бы она мала ни осталась, будетъ всегда служить пособникомъ, добровольнымъ или подневольнымъ — безразлично. Поэтому, лишь отторженіе Тріеста отъ вѣнской власти можетъ обезпечить самостоятельное развитіе его какъ порта, обслуживающаго прилегающую къ нему обширную терри-

торію съ не нѣмецкимъ населеніемъ. Очевидно, такое рѣшеніе судьбы Тріеста можетъ послѣдовать только въ порядкѣ насильственномъ, т. е. въ данномъ случаѣ тогда, когда Австрія будетъ къ тому принуждена державами побѣдительницами.

Такое отторженіе окажется, однако, лишь половиною дѣла и, быть можетъ, наиболѣе легкою. Гораздо труднѣе будетъ рѣшить, кому долженъ принадлежать Тріестъ со своей территоріей, какой области онъ долженъ стать нераздѣльною частью: сосѣдней ли Италіи, или же того будущаго новаго славянскаго государства, земли котораго занимаютъ безъ перерыва и глубоко вдаваясь въ материкъ, все сѣверное и восточное побережье Адріатики. И въ данномъ случаѣ державамъ, имѣющимъ рѣшить вопросъ, не пришлось бы обойтись безъ рѣшенія насильственнаго, ибо разсчитывать на то, что итальянцы и славяне сами придутъ къ какому либо соглашенію—основаній не имѣется; такъ противоположны ихъ дѣйствительные интересы и домогательства.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Тріестъ, какъ портъ, Италіи не нуженъ, что онъ для нея имѣетъ значеніе лишь поскольку владѣніе имъ закрѣпитъ въ глазахъ міра обоснованность и успѣхъ итальянской ирреденты, простирающей свои вожделѣнія на всю Адріатику; но несомнѣнно также, что итальянскій дѣловой людъ Тріеста, какъ важнаго торговаго промышленнаго центра, хотя и исповѣдуетъ громко ирредентизмъ, можетъ, по соображеніямъ коммерческаго свойства, проявить въ рѣшающій моментъ умѣренную склонность подчиниться безусловно политическому и вытекающему изъ него экономическому господству Италіи.

Существующее положеніе дѣлъ могло бы, конечно, измѣниться кореннымъ образомъ, если бы Италія, принявъ участіе въ войнѣ на нашей сторонѣ, двинулась на Тріестъ и захватила его вооруженною силой; но, поскольку мнѣ позволютъ судить мои наблюденія, она на это не рѣшится пока германская армія не будетъ разгромлена на всѣхъ фронтахъ. Такое отношеніе Италіи къ нашимъ боевымъ трудамъ, къ тѣмъ неслыханнымъ жертвамъ, которыя отъ насъ требуетъ война, не можетъ не служить мѣриломъ и нашего,—говорю и о нашихъ союзникахъ,—отношенія къ ея притязаніямъ,

тѣмъ болѣе, что притязанія эти покоятся не на жизненныхъ интересахъ страны, какъ государственной единицы уже одаренной немалыми естественными богатствами, а на извѣстномъ политическомъ тщеславіи, благодаря которому Италія не желаетъ считаться ни съ національными, ни съ экономическими и политическими интересами своихъ сосѣдей съ востока. Мнѣ кажется поэтому, что принципіальное признаніе за нею какихъ либо особыхъ правъ въ Адріатикѣ на почвѣ выставляемыхъ ею политическихъ и, въ особенности, стратегическихъ требованій—весьма скоро оказалось бы на дѣлѣ въ противорѣчіи съ той высокою миротворческою задачею, которую союзныя державы себѣ поставили, принявъ вооруженный бой, на который онѣ были вызваны Германіей.

Съ другой стороны, притязанія на Тріестъ словинцевъ—географически они стоятъ на первомъ мѣстѣ среди славянскихъ элементовъ населенія всей этой области—не менѣе, чѣмъ итальянскіе, а съ принципіальной точки зрѣнія гораздо болѣе обоснованы. Практически же осуществленіе ихъ можетъ встрѣтиться съ не малыми препятствіями.

За недостаткомъ вполнѣ самодовлѣющихъ культурныхъ средствъ, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, необходимыхъ для самостоятельнаго завѣдыванія столь сложнымъ дѣломъ, какъ управленіе портомъ мірового, можно сказать, значенія—словинцы могутъ оказаться въ теченіе довольно продолжительнаго времени не въ состояніи успѣшно справляться съ задачею и попасть поэтому подъ чужое вліяніе. Для нихъ потребуется помощь извнѣ и не слѣдовало бы исключать возможности, что нѣмецкій элементъ населенія ближайшихъ къ Тріесту австрійскихъ областей оказался бы призваннымъ къ оказанію такой помощи. Обстоятельство это заслуживаетъ, какъ мнѣ думается, тѣмъ большаго вниманія, что вопросъ о политической спайкѣ словинскихъ областей съ сербо-хорватскими еще находится въ весьма неопредѣленной стадіи.

Всѣ эти соображенія приводятъ меня къ выводу, что за исключеніемъ совершенно недопустимаго оставленія Тріеста въ рукахъ австро-нѣмецкаго блока, передача этого города-порта въ руки одного изъ соревнующихъ народовъ сопря-

жена съ большими практическими затрудненіями; главнѣйшая опасность такого рѣшенія заключалась бы въ томъ, что кому бы Тріестъ ни достался, итальянцамъ или словинцамъ, вражда ихъ между собою сохранила бы свою остроту и подорвала бы наши усилія установить прочный порядокъ вещей въ углу Адріатики, клиномъ врѣзающемся въ ту часть Европы, гдѣ сталкивались и могутъ впредь столкнуться самые разнообразные и противоположные политическіе и экономическіе интересы нѣсколькихъ государствъ.

Въ связи съ такими соображеніями у меня естественно возникла нижеслѣдующая мысль.

Тріестъ, въ виду прочно засѣвшихъ въ немъ двухъ борющихся народностей, не долженъ былъ бы принадлежать ни одной изъ нихъ. Непримиримость такой борьбы, нахожденіе на самомъ рубежѣ двухъ государствъ, экономическая будущность всего прилегающаго къ нему края—все это предуказываетъ ему быть независимымъ, чуждымъ національныхъ задачъ вольнымъ городомъ—на подобіе прежнихъ Ганзейскихъ городовъ—съ территоріей, отвѣчающей его нуждамъ, независимость и нейтралитетъ котораго были бы поставлены подъ общую гарантію Европы. Однимъ словомъ Тріестъ долженъ перестать быть „политическимъ" ключемъ Адріатики на сѣверѣ.

Соотвѣтствующее рѣшеніе обезпечило бы Тріестъ отъ захвата австро-германскимъ блокомъ, положило бы предѣлъ столь опасному для будущаго міра ирредентизму той или другой изъ борющихся народностей и поставило бы въ должныя рамки притязанія Италіи на Истрійское и Далматинское побережья, составляющія несомнѣнно законное достояніе ихъ хинтерланда, т. е. сербовъ, хорватовъ и словинцевъ *).

---

*) *Примѣчаніе:* Мѣсяцами двумя позднѣе даты настоящаго письма, въ апрѣлѣ этого же года обнаружилось, что въ своихъ переговорахъ съ Австріею относительно условій дальнѣйшаго сохраненія нейтралитета, Италія сама предложила возвести Тріестъ въ „Автономное и независимое государство съ территоріею". См. Сборникъ дипломатическихъ документовъ (зеленая книга) обнародованный итальянскихъ правительствомъ 20 мая 1915 г., непосредственно передъ объявленіемъ имъ войны Австро-Венгріи, документъ № 64 отъ 8 апрѣля.

1 Апрѣля 1915 г.

Нападеніе болгарскихъ македонскихъ четниковъ на сербскія войска подъ сел. Валандовымъ служитъ яркимъ показателемъ складывающагося весьма опаснаго положенія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Залогомъ вѣрнаго, а главное скораго, успѣха нашего въ борьбѣ съ Турціею и нанесенія тѣмъ самымъ тяжелаго удара Германіи мнѣ представляется скорѣйшее выступленіе противъ нея Болгаріи. Но я рѣшительно не вижу способа добиться этого инымъ путемъ кромѣ властнаго понужденія сербовъ союзниками нынѣ же отдать болгарамъ часть Македоніи по схемѣ договора 1912 года, съ нѣкоторыми поправками въ пользу сербовъ на сѣверѣ и сѣверо-западѣ этой области. Само собою разумѣется, что сербы должны были бы очистить возвращаемую ими территорію лишь одновременно съ вступленіемъ во Ѳракію всей болгарской арміи.

Съ греками считаться не придется по той простой причинѣ, что своимъ поведеніемъ по отношенію къ Венизелосу они ясно доказали отсутствіе всякаго желанія и намѣренія воевать въ третій разъ.

Если Сербы не усвоятъ, что попеченіе о нихъ союзныхъ державъ обезпечиваетъ за ними компенсаціи, о которыхъ они не могли бы и мечтать, и будутъ упорствовать въ отказѣ, то 1-хъ, они сознательно пойдутъ навстрѣчу всѣмъ бѣдствіямъ сопряженнымъ съ продолженіемъ войны на неопредѣленный срокъ, и 2-хъ—могутъ довести положеніе дѣлъ до того, что станутъ для насъ, въ случаѣ затяжной борьбы, не опорою, а лишнимъ балластомъ.

Потоки русской крови спасли Сербію отъ смерти и мы въ правѣ вынудить ее подчиниться безпрекословно нашимъ требованіямъ, когда на картѣ благополучіе русскаго государства.

Наши союзники не могутъ не раздѣлить такой точки зрѣнія, ибо въ нашихъ общихъ интересахъ положить предѣлъ колебаніямъ наиболѣе нужнаго въ данный моментъ

нейтральнаго балканскаго народа, руководящагося лишь сухимъ расчетомъ, переговоры съ которымъ въ рамкахъ однихъ дипломатическихъ обѣщаній и даже угрозъ заранѣе обречены на неуспѣхъ.

Мнѣ думается также, что выступленіе Болгаріи подвинетъ и Италію сдѣлать то-же, а при такой обстановкѣ Румынія, вполнѣ подчиненная австро-германскому блоку, если и не рѣшится примкнуть къ намъ, то будетъ надежно обезврежена.

20 Апрѣля 1915.

.... Мнѣ думается, что новыя обстоятельства—возможность скораго вступленія Италіи въ ряды воюющихъ, а рядомъ съ этимъ толки о желаніи Австріи заключить сепаратный миръ—поставятъ насъ, быть можетъ, на распутьи въ дѣлѣ рѣшенія судьбы австро-венгерскихъ сербовъ, хорватовъ и словинцевъ, а въ сущности судьбы самой двуединой монархіи и я остановлюсь нѣсколько подробнѣе на этомъ вопросѣ.

Освобожденіе отъ гнета правительствъ Вѣны и Будапешта составляло предметъ давнихъ и упорныхъ домогательствъ этихъ народовъ, домогательствъ, получившихъ особую интесивность со времени настоящей войны, благодаря участію въ нихъ сербовъ королевства.

Въ началѣ казалось, что въ оцѣнкѣ значенія совершающихся событій и въ опредѣленіи конечной цѣли этой войны, окрещенной освободительною, никакихъ разногласій между австро-венгерскими и прочими сербами быть не можетъ. Между тѣмъ, благодаря съ одной стороны побѣдѣ сербской арміи надъ австрійскою, и возрастающимъ притязаніемъ Италіи на нераздѣльное господство въ Адріатикѣ, а съ другой—затягивающимся военнымъ дѣйствіямъ на русско-австрійскомъ фронтѣ—обнаружилось нѣкоторое пониженіе діапазона въ вышеупомянутомъ настроеніи сербовъ и

хорватовъ. При этомъ постепенно выяснилось, что сербы королевства по своему истолковываютъ объединенiе ихъ съ единоплеменниками Австро-Венгрiи, причемъ, озабоченные главнымъ образомъ наложенiемъ руки на Боснiю и Герцеговину, они отвергаютъ мысль о созданiи сербо-хорватскаго государства на началахъ широкой автономiи отдѣльныхъ областей, хотя бы и подъ главенствомъ Бѣлграда, какъ того желаютъ нѣкоторыя группы сербо-хорватовъ.

Удивляться этому не приходится; разница мiровоззрѣнiя бывшихъ турецкихъ сербовъ и австро венгерскихъ настолько значительна, что даже чрезвычайныя обстоятельства настоящаго времени, создавшiя для всѣхъ ихъ возможность близко подойти къ осуществленiю общаго имъ идеала, т. е. объединенiя всего сербскаго народа, не смогли до сей поры побудить первыхъ изъ нихъ искреннѣе и тѣснѣе согласовать свои политическiя стремленiя со стремленiями ихъ сородичей въ Австро-Венгрiи.

Съ другой стороны среди самихъ хорватовъ нельзя не подмѣтить нѣкоторыхъ разномыслiй въ вопросѣ о тѣхъ началахъ, которыя должны лечь въ основу сербо-хорватскаго государства; впрочемъ разномыслiя эти носятъ столько же политическiй, сколько и партiйный характеръ.

Наряду съ этимъ, сербы и хорваты Австро Венгрiи, а равно и словинцы, страстно домогающiеся сохранить за собою тѣ земли бассейна Адрiатики, притязанiя на которыя Италiи служатъ, какъ о томъ ходятъ слухи, предметомъ переговоровъ ея съ державами Тройственнаго Согласiя, до такой степени единодушны въ своемъ озлобленiи на итальянцевъ, что, въ случаѣ вступленiя Италiи въ войну съ Австрiею, они несомнѣнно всѣми помыслами будутъ за успѣхъ австрiйскаго оружiя; намъ не слѣдуетъ этого упускать изъ вида.

Опредѣленно выясняющаяся въ связи съ новѣйшими событiями перемѣна настроенiя австро-венгерскихъ славянъ естественно отзовется на дальнѣйшемъ ходѣ нашей борьбы съ двуединой монархiею и можетъ имѣть самыя разнородныя послѣдствiя; ближайшая изъ нихъ уже теперь на лицо: ослабленiе того единодушнаго порыва, съ которымъ сербо-хорваты и словинцы домогались доселѣ непремѣннаго от-

торженія отъ Австро-Венгріи. Обстоятельство это въ свою очередь не можетъ не измѣнить кореннымъ образомъ и нашего отношенія къ той свободительной задачѣ, которую мы возвѣстили при вступленіи нашихъ войскъ въ предѣлы этой имперіи.

Поскольку мнѣ позволяютъ судить мои наблюденія, вся обстановка, при которой зародилась и протекала подготовительная работа по устроенію судьбы славянскихъ народовъ юга Австро-Венгріи, подверглась за послѣднее время существенному измѣненію. Какое бы изъ двухъ предусматриваемыхъ событій ни наступило—будь то вмѣшательство въ войну Италіи, или же заключеніе Австріею сепаратнаго мира,—намъ по всѣмъ вѣроятіямъ придется отказаться отъ мысли объединить сербовъ, хорватовъ и словинцевъ въ обособленное государство, и даже расширеніе Сербіи за счетъ нѣкоторыхъ провинцій Австріи окажется, по причинамъ отдѣльнымъ отъ международныхъ требованій, дѣломъ не столь легко осуществимымъ.

26 Іюня 1915 г.

На этихъ дняхъ мнѣ довелось встрѣтиться съ нѣкоторыми болгарскими политическими дѣятелями, нынѣ у власти не находящимися, и имѣть съ ними продолжительныя и непринужденныя бесѣды на злободневную тему о выступленіи Болгаріи противъ Турціи ради обратнаго отвоеванія Адріанополя и Ѳракіи. Ихъ мнѣнія представляли для меня тѣмъ большій интересъ, что, какъ руководители оппозиціонныхъ правительству Радославова партій, они не были посвящены въ курсъ сокровенной политики болгарскихъ правителей и могли поэтому дать мнѣ болѣе правдивую картину настроеній самого болгарскаго народа.

То что мнѣ пришлось услышать отъ двухъ изъ нихъ, П. и Л., заслуживаетъ наибольшаго вниманія; сущность ска-

заннаго ими сводится къ нижеслѣдующему и является отвѣтомъ и разъясненіемъ на поставленный мною главный вопросъ—сознаетъ ли болгарскій народъ, что ему не избѣгнуть войны вообще.

П. совершенно категорически заявилъ мнѣ, что болгары, то есть вся народная масса отдаетъ себѣ ясный отчетъ, въ томъ что войны имъ не миновать, разумѣется на сторонѣ нашей и нашихъ союзниковъ. По его завѣренію болгары къ этому готовятся и болгарская армія въ настоящее время въ гораздо лучшемъ положеніи чѣмъ-то было передъ войной съ Турціею въ 1912 г. Плохи средства государственнаго казначейства. Германскій заемъ еще дѣйствія не утратилъ, но болгарская казна получаетъ лишь по милліону франковъ каждыя двѣ недѣли.

Болгары боятся Румыніи которая въ тылу, а сербовъ и въ особенности грековъ совершенно не опасаются. Непримиримость сербовъ въ вопросѣ о македонскихъ земляхъ производитъ несомнѣнно большое впечатлѣніе на народную массу, въ особенности же то обстоятельство, что сербы эту свою непримиримость „афишируютъ". Державы могутъ уступить македонскія земли, а сербы не отдать; что-жъ, опять ихъ завоевывать съ оружіемъ въ рукахъ? Вожделѣемая болгарами гарантія разумѣется въ томъ смыслѣ, что свою волю державы согласія своимъ союзникамъ сербамъ навяжутъ.

Срокъ выступленія противъ Турціи въ нѣкоторой зависимости отъ срока сбора урожая, то есть приблизительно начало августа стараго стиля.

Помимо этого необходимо совершенно опредѣленно выяснить, въ какой мѣрѣ Румынія будетъ находиться въ подчиненіи Германіи къ моменту выступленія Болгаріи; если Германія сможетъ въ ту пору продиктовать свою волю Румыніи, то рискъ былъ бы очень великъ.

Въ заключеніе П. обратилъ мое вниманіе на работу германцевъ по отношенію къ болгарской печати. Помимо телеграммъ посылаемыхъ изъ Берлина болгарскому телеграфному агентству, Вольфъ-бюро ежедневно и безплатно посылаетъ десятки телеграммъ всѣмъ крупнѣйшимъ торговцамъ болгарскихъ городовъ съ извѣщеніемъ не только о томъ

что творится на германскомъ фронтѣ, но и о томъ что дѣлается въ Германіи вообще; въ частности массами передаются выдержки изъ нѣмецкихъ газетъ. По мнѣнію Паприкова, Русское Телеграфное Агентство даетъ слишкомъ мало свѣдѣній, русскія газеты мало выписываются и въ результатѣ болгары ничего не знаютъ о томъ что у насъ творится въ связи съ ходомъ военныхъ дѣйствій.—

Л. отвѣтилъ мнѣ на мой вопросъ подробнѣе и глубже проникъ въ оцѣнку существующаго нынѣ въ Болгаріи положенія, заявивъ сразу, что нѣтъ болгарина, который думалъ бы что можно избѣгнуть участія въ войнѣ. Народъ понимаетъ, что нужно покончить съ Турціею, очевидно вмѣстѣ съ Россіею; Л. довелось услышать такія разсужденія, какъ то, что болгары могутъ этимъ воспользоваться, чтобы дружески разквитаться съ Россіею. Вообще для народной массы Россія въ группѣ своихъ союзниковъ является центральною фигурою, и степень и подробности участія въ войнѣ союзныхъ Россіи державъ не возбуждаютъ въ болгарскомъ народѣ особаго интереса.

Между прочимъ, въ связи съ вопросомъ о выступленіи противъ Турціи, и народъ, и войско не усваиваютъ себѣ какъ можно пропускать въ эту страну военныя снаряженія. Въ какомъ размѣрѣ это производится и при помощи какихъ пріемовъ—допускается ли правительствомъ контрабанда сопровождамая негласною подачкою германцами натурою, то есть извѣстною частію снаряженій, или же на лицо как я либо соглашенія или сдѣлки—Л. точно не знаетъ.

Л. распространился особенно подробно объ отношеніяхъ къ Румыніи. По его мнѣнію отъ нея слѣдуетъ ожидать рѣшительно всего, ибо она дѣлаетъ видъ, что искренно и убѣжденно ведетъ переговоры съ четвернымъ согласіемъ; на дѣлѣ же она пока въ совершенномъ подчиненіи Германіи, ибо постройка въ свое время желѣзной дороги направленія Добруджа—Констанца дѣло германскихъ рукъ.

Въ своихъ переговорахъ съ болгарами румыны силятся убѣдить ихъ не торопиться выступленіемъ и выжидать болѣе благопріятнаго момента въ смыслѣ наименьшаго риска и наименьшихъ жертвъ. Л. убѣжденъ кромѣ того, что такая

аргументація румынъ не искренна и что они дѣйствуютъ по указкѣ Германіи.

Вообще въ Болгаріи къ румынамъ относятся съ полнымъ недовѣріемъ, считая ихъ рѣшительно на все способными ради уклоненія отъ войны и питаютъ озлобленное презрѣніе. По мнѣнію Л., если бы въ политикѣ Румыніи опредѣлилось намѣреніе или поползновеніе занять въ конфликтѣ положеніе на сторонѣ Германіи, никакое болгарское правительство не удержало бы народъ отъ войны. Война съ Румынами неизмѣримо популярнѣе войны съ Турціею; съ послѣднею болгары вступятъ въ войну по разсчету или по необходимости. Однимъ словомъ болгары не могутъ не опасаться румынъ въ данную пору и считаютъ ихъ способными на всякія „гнусности“.

Относительно сербовъ Л. сказалъ мнѣ приблизительно то же что и П., прибавивъ, что въ вопросѣ объ уступкѣ ими обратно болгарскихъ земель Македоніи никакихъ формальныхъ гарантій для болгаръ отъ четырехъ державъ, по его мнѣнію, не требовалось бы; но въ то же время болгары понимаютъ, что безъ увѣренности въ томъ, что сербамъ державы согласія навяжутъ свою волю, переговоры съ послѣдними обречены на неуспѣхъ. При этомъ Л. высказалъ сожалѣніе, что эти переговоры запоздали и не были поведены тотчасъ послѣ паденія Перемышля; въ ту пору правительство не смогло бы удержать болгаръ отъ выступленія противъ Турціи.

Настроеніе болгаръ по отношенію къ румынамъ и сербамъ служатъ въ рукахъ правительства весьма удобнымъ если не главнымъ средствомъ внушенія народу недовѣрія къ происходящимъ между четырьмя державами и Болгаріею переговорамъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи этого тезиса Л. коснулся, въ весьма сдержанной, но вполнѣ опредѣленной формѣ, оцѣнки этихъ переговоровъ и въ особенности обстановки при которой они происходятъ. По мнѣнію Л. для успѣха переговоровъ съ нынѣшнимъ болгарскимъ правительствомъ въ его совокупности державамъ согласія слѣдовало бы имѣть въ виду нижеслѣдующіе два фактора: опасеніе

румынъ и, въ особенности, роль македонцевъ и македонствующихъ въ самой Болгаріи.

Этотъ второй факторъ, по словамъ моего собесѣдника, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Между македонцами и македонствующими и царемъ Фердинандомъ несомнѣнно еще понынѣ существуютъ связывающія ихъ обязательства. По всѣмъ имѣющимся даннымъ между ними въ настоящее время установлено перемиріе. Престижъ Фердинанда чрезвычайно пострадалъ послѣ катастрофы 1913 года. Болгары не могутъ объ этомъ не сожалѣть, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ страны. Вслѣдствіе этого всѣмъ извѣстное въ Болгаріи рѣзко враждебное отношеніе представителей державъ согласія въ Софіи къ царю Фердинанду и къ министерству Радославова производитъ на народъ до нѣкоторой степени впечатлѣніе обиднаго для страны вмѣшательства въ отношенія народа къ своему монарху и едва ли можно разсчитывавь на то, что занятая представителями державъ позиція поколеблетъ положеніе Министерства Радославова, не говоря уже о королѣ Фердинандѣ; скорѣе можно ожидать обратнаго.

Если державы примутъ къ учету указанные два фактора, переговоры ихъ съ Болгаріею вступили бы на болѣе благопріятную почву и могли бы увѣнчаться успѣхомъ.

Затронувъ въ концѣ бесѣды подробнѣе вопросъ объ обезпеченіи за болгарами возврата имъ македонскихъ областей захваченныхъ сербами, Л. выразилъ опредѣленное сомнѣніе, чтобы послѣдніе сошли съ той почвы непримиримости на которую они встали и высказалъ увѣренность что Сербія, прижатая державами къ стѣнѣ, сговорится съ Австріею скорѣе чѣмъ уступитъ.

По поводу событій на Балканахъ.

Въ переживаемую нами пору высшаго напряженія всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ страны, когда всѣ помыслы народа направлены лишь къ одной цѣли—сокрушеніе военной мощи сильнаго и упорнаго противника — трудно разсуждать о предстоящихъ намъ задачахъ въ области будущаго международнаго общенія, задачахъ, поставленныхъ въ столь тѣсную зависимость отъ конечнаго исхода войны и отъ тѣхъ фазисовъ ея, значеніе и длительность которыхъ точному учету пока не поддаются. Трудно еще и потому, что приходится тщательно воздерживаться даже отъ намековъ на такія предположенія и намѣренія, одни толки о которыхъ могли бы послужить на пользу врагу.

Тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь высказать нѣсколько общихъ мыслей о той задачѣ, которая намъ предстанетъ къ моменту окончанія войны и выясненіемъ которой мы должны заняться уже теперь. Всепоглощающія заботы объ успѣшномъ веденіи войны, какъ бы сложны онѣ ни были, не должны затмевать для насъ тѣ вопросы будущаго, которые она выдвигаетъ и немедленно поставитъ на очередь, какъ только будетъ окончена. Таковъ, на одномъ изъ первыхъ мѣстъ, вопросъ о нашей грядущей балканской политикѣ. Неудача, которую союзники, а мы въ особенности, потерпѣли на Балканахъ, уже имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что война затянулась она грозитъ, кромѣ того, до крайности осложнить предстоящій намъ трудъ по обезвреженію исторически сложившагося очага всякихъ смутъ, неизмѣнно задерживавшихъ естественное рѣшеніе жизненнаго для насъ вопроса о нашемъ положеніи въ бассейнѣ Чернаго моря. Въ данный моментъ угроза

эта достигла кульминаціоннаго пункта своего для насъ значенія, ибо Annibal ante portas; а кто современный Ганнибалъ и у какихъ воротъ Россіи онъ мечтаетъ укрѣпиться—пояснять едва ли необходимо.

За долгіе годы служенія государству за рубежомъ и наблюденія надъ тѣмъ, что дѣлается у другихъ народовъ въ областяхъ ихъ внутренней и внѣшней политики, я невольно пришелъ къ выводу, что въ жизни человѣчества въ его совокупности многое совершается не по волѣ отдѣльныхъ лицъ или даже людскихъ группъ — какою бы властью или авторитетомъ они ни были облечены,—а въ силу неисповѣдимыхъ законовъ историческихъ эволюцій, освоиться съ которыми дано менѣе всего современникамъ. Сила этихъ законовъ сказывается ярче всего на явленіяхъ международной жизни, и чѣмъ эти явленія величественнѣе, чѣмъ большее потрясеніе они вызываютъ — тѣмъ труднѣе для современниковъ разобраться въ ихъ причинахъ и установить отвѣтственности тѣхъ или другихъ людскихъ силъ, единичныхъ и коллективныхъ.

Въ нарушеніе самой элементарной этики культурнаго человѣчества — о поруганіи догматовъ христіанскаго ученія уже и говорить не приходится—Германія, со звѣриною дерзостью и жестокостью, бросилась войною на своихъ сосѣдей и обрушила на нихъ какъ и на свой народъ неслыханныя бѣдствія, превосходящія все то, что люди доселѣ могли себѣ представить.

Мы знаемъ, что не всѣ нѣмцы поголовно звѣри и должны поэтому допустить, что, пойдя на такое варварское дѣло, германскій народъ подчинился какому-либо недоступному ни его, ни другихъ народовъ пониманію закону міровой эволюціи. Такое предположеніе подсказывается мнѣ не преклоненіемъ передъ властью фатума, а сознаніемъ предѣльности человѣческаго разума и безсилія современника подняться на высоту абсолютно объективнаго сужденія о своихъ переживаніяхъ, лишь только они выходятъ за предѣлы существующихъ въ каждую данную эпоху нормъ.

Тѣмъ не менѣе, какъ бы такіе законы могущественны ни были и какъ бы мало люди ни отдавали себѣ въ нихъ отчета, степень и успѣхъ ихъ воздѣйствія во многомъ зависитъ отъ самихъ людей, чаще всего отдѣльныхъ лицъ или небольшихъ группъ, что стоятъ у государственной власти, или руководятъ общественнымъ мнѣніемъ.

Императоръ Вильгельмъ и его сподвижники признали полтора года тому назадъ моментъ для Германіи подходящимъ для того, чтобы броситься войною на насъ и на французовъ въ увѣренности, что при своей военной подготовленности и силѣ германская держава легко справится съ нашими союзниками, а затѣмъ и съ нами, подчинивъ насъ обоихъ, послѣ ряда быстрыхъ и рѣшительныхъ побѣдъ, своей волѣ; въ то, что возгорится всеобщая европейская война, Германія повидимому не вѣрила. Между тѣмъ расчетъ Вильгельма не оправдался; пятнадцать мѣсяцевъ, какъ Германія несетъ громадныя потери людьми и народнымъ достояніемъ, не сломивъ сопротивленія своихъ противниковъ, и государству, вознесшемуся до небывалой высоты въ дѣлѣ организаціи своихъ военныхъ силъ, грозитъ тѣмъ более тяжкое паденіе. Что именно гибель военной мощи ей пріуготовляетъ будущее въ случаѣ, если она не осуществитъ своего замысла—въ этомъ не можетъ и не должно быть сомнѣній.

А что оно готовитъ намъ?

Точно отвѣтить на этотъ вопросъ въ данную минуту едва ли возможно; но не вдаваясь въ гаданія о томъ, что насъ ожидаетъ, мы дожны ясно сознать, что прежде всего мы идемъ на встрѣчу громадному и сложному труду по ликвидаціи настоящей войны въ смыслѣ использованія безъ остатка понесенныхъ нами неслыханныхъ жертвъ ради водворенія въ Европѣ новаго порядка вещей, при которомъ было бы надолго обезпечено мирное сожительство ея народовъ, большихъ и малыхъ, а возвратъ къ прежнему, созданному гнетомъ Германіи, былъ бы невозможенъ.

Война становилась неизбѣжною, и для всѣхъ, кто стоялъ ближе къ дѣламъ внѣшней политики, должно было быть ясно, что Германія, рѣшивъ, тотчасъ по окончаніи балканскихъ войнъ, воевать съ нами, искала лишь къ тому пред-

лога, создавая необходимую для себя обстановку на почвѣ ближне-восточныхъ дѣлъ. Начавъ съ посылки въ Турцію военной миссіи Сандерса, она стала проявлять возраставшее упорство въ своемъ властномъ вмѣшательствѣ въ дѣлѣ армянскихъ реформъ и, въ особенности, въ нашъ споръ съ Австріей изъ-за балканскихъ сербовъ.

Но все ли сдѣлали и мы — разумѣю отчасти и нашихъ союзниковъ — въ области тѣхъ же дѣлъ, для того, чтобы отнять у Германіи предлогъ навязать намъ войну, когда мы ея не хотѣли? Въ нашихъ ли силахъ было ее отсрочить, если не отвратить? Или мы не отдавали себѣ отчета въ замыслахъ Германіи и въ томъ, что въ военно-техническомъ отношеніи она была уже давно подготовлена? Не послужила ли наша военная, а у насъ въ Россіи и всякая другая, неподготовленность главнымъ поводомъ для германскаго нападенія, которое дипломатическая работа, быть-можетъ уже запоздавшая, предотвратить оказалась не въ силахъ?

Говоря о нашей собственной военной неподготовленности, я долженъ прибавить, что, оставляя въ сторонѣ второстепенный нынѣ вопросъ о большей или меньшей отвѣтственности тѣхъ, на кого было возложено военное дѣло, она имѣетъ отчасти свое объясненіе, ибо, хотя и являя собою яркій образчикъ нашего общаго домашняго нестроенія, она отражаетъ духъ искренняго миролюбія и незлобивости русскаго народа-богатыря, которому, въ то время какъ въ борьбѣ съ врагомъ родины онъ творитъ чудеса храбрости и самоотверженія, совершенно чужда мысль строить главнымъ образомъ на кровавой расправѣ съ сосѣдями свое благополучіе и свои надежды на улаженіе политическихъ споровъ, и со страстью къ ней готовиться, какъ это систематически дѣлали нѣмцы въ теченіе полувѣка. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что такія чувства и настроенія русскаго народа, такое пониманіе имъ основъ международной жизни, быть-можетъ и не отвѣчавшія духу времени, имѣли свою долю вліянія на дѣятельность подлежащей правительственной власти, чуждой — какъ и самъ народъ — слѣпому преклоненію передъ военною силою, то-есть передъ лозунгомъ, ставшимъ руководящимъ въ дѣятельности нынѣшней

Германіи, создавшейся кровью и желѣзомъ и усмотрѣвшей въ этихъ орудіяхъ международной борьбы залогъ своего дальнѣйшаго существованія.

Мнѣ думается, что попытаться найти отвѣты на всѣ эти вопросы, безъ риска заблудиться въ толкованіяхъ міроваго значенія пережитыхъ за послѣдніе годы и нынѣ развертывающихся событій, окажется дѣломъ своевременнымъ и полезнымъ.

Мы идемъ навстрѣчу не опредѣлившемуся еще новому укладу международной жизни; въ провѣркѣ стараго, въ провѣркѣ своей собственной дѣятельности мы почерпнемъ тотъ необходимый руководящій опытъ, который можетъ обезпечить успѣхъ предстоящихъ намъ трудовъ по созданію новаго порядка вещей въ Европѣ и у себя дома, ибо лишь при такомъ условіи возможно вообще возстановленіе и безпрепятственное мирное развитіе всѣхъ нашихъ государственныхъ силъ, матеріальныхъ и духовныхъ.

Не бѣда, если придется обнаружить промахи — величественная борьба, въ которую насъ вовлекли, уже отбросила ихъ въ исторію; но бѣда, если — въ забвеніи непреложной истины, что лишь сильные духомъ народы и отдѣльныя люди не страшатся открытаго признанія совершенныхъ ими ошибокъ — мы не покаялись бы въ сдѣланныхъ нами и не приложили бы всѣхъ усилій къ тому, чтобы провѣрить, въ какой мѣрѣ были цѣлесообразны и полезны для государства примѣнявшіеся нами доселѣ средства и пріемы защиты его интересовъ за рубежемъ. Мы должны встрѣтить во всеоружіи подготовленности тотъ моментъ, когда, съ окончаніемъ вооруженной борьбы, передъ нами встанетъ уже ясно опредѣлившаяся задача *прочно оградить государство отъ повторенія тѣхъ явленій и событій въ области международныхъ сношеній, которыя насъ привели къ войнѣ.* Задача не легкая, и намъ слѣдуетъ уже нынѣ пріискивать новые, надежные пути къ ея выполненію; но для такого дѣла необходимо уже теперь мобилизовать не только правительственныя, но и всѣ организованныя общественныя силы торгово-промышленной и земледѣльческой Россіи, непосредственно и жизненно заинтересованныя въ выработкѣ обновленныхъ, болѣе устойчивыхъ, чѣмъ было до сей поры,

основъ международнаго общенія въ области обмѣна произведеніями народнаго труда.

Едва ли нужно доказывать, что лишь заблаговременно координированный трудъ правительственныхъ и вообще всѣхъ организованныхъ общественныхъ силъ можетъ служить вѣрнымъ залогомъ успѣшнаго завершенія дѣла, отъ котораго зависитъ наше ближайшее и дальнѣйшее будущее и ради котораго русскій народъ съ сознательнымъ самоотверженіемъ несетъ безпримѣрныя въ своей исторіи жертвы.

Нѣсколько словъ въ заключеніе высказанныхъ бѣглыхъ мыслей.

Онѣ навѣяны сознаніемъ невозможности предугадать, во что могутъ развернуться переживаемыя нами чрезвычайныя событія и срокъ окончанія вооруженной борьбы, а также нѣкоторымъ опасеніемъ — на этотъ разъ быть можетъ ошибочнымъ — что мы можемъ оказаться неподготовленными къ тому моменту, когда, взамѣнъ раздавшагося шестнадцать мѣсяцевъ тому назадъ боевого клича германцевъ, бросившаго весь міръ въ войну, мы отъ нихъ же услышимъ призывъ къ ея прекращенію. И къ этому моменту нами уже должны быть выяснены и приняты рѣшенія, чего намъ домогаться для установленія такого порядка вещей, который полностью вознаградилъ бы Россію за понесенныя ею неизмѣримыя жертвы.

Въ моей попыткѣ подчеркнуть значеніе одной изъ основныхъ задачъ нашей внѣшней политики мнѣ невольно приходится не договаривать и воздерживаться отъ формулировки конкретныхъ тезисовъ и предложеній. Время раскрывать карты передъ противникомъ еще не наступило, но будемъ надѣяться, что недалекъ тотъ часъ, когда мы сможемъ не не только сказать Германіи и ея подневольнымъ союзникамъ, чего мы хотимъ, но и властно навязать ей отказъ отъ посягательствъ на наши жизненные интересы въ залитыхъ русскою кровью областяхъ востока Европы.

И къ этому часу мы должны готовиться уже теперь, ибо „промедленіе времени смерти подобно“.

А. А. Гирсъ.

Москва.
Ноябрь 1915 г.

